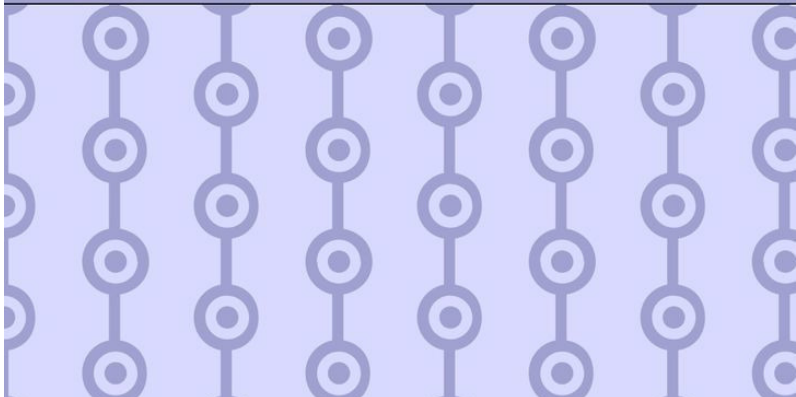

18+

Людмила Николаевна
Филатова

Господин осветитель

Сборник современных пьес в стихах
и прозе

Людмила Николаевна Филатова
Господин осветитель.
Сборник современных
пьес в стихах и прозе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65705214

ISBN 9785005398659

Аннотация

Сцена высвечивает то, что иногда не может высветить проза. В этом сборнике представлены пьесы в прозе, траги-фарсы в стихах и комедии положений.

Содержание

ФАУСТ В ЮБКЕ или МЕНА	5
АВТОБУС НА КИРОВ	52
ЧЕТЫРЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ	86
ВОСКРЕСЕНЬЕ ПЕРВОЕ	89
ВОСКРЕСЕНЬЕ ВТОРОЕ	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Господин осветитель Сборник современных пьес в стихах и прозе

**Людмила Николаевна
Филатова**

© Людмила Николаевна Филатова, 2021

ISBN 978-5-0053-9865-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФАУСТ В ЮБКЕ или МЕНА

(в стихах)

Траги-фарс в двух действиях, с танцами, манерными переходами и участием кордебалета чёрных и белых.

Действующие лица:

Муна – 30 лет, высокородная дама, в серебряном, на груди – белый цветок.

Фай – чёрт, в чёрно-красном фраке, на груди – паук.

Флу – 40 лет, непризнанный гений, в фиолетово-голубом.

Сан – 28 лет, садовник, в жёлтом.

Иза – 25 лет, беременная служанка.

Король – 50 лет, как угодно.

Рона – 27 лет, жена священника, красоту не скрывает даже монашеский наряд.

Вана (блудница) – 30 лет, в чёрно-фиолетовом, так вульгарна, что не поймёшь – распутная женщина это или переодетый в женское мужчина.

Тана (блудница) – 20 лет, в розово-фиолетовом, с теми же качествами, что у В а н ы, только грубее и прощще.

Си – 32 года, высокородный дворянин, поэт, в зелёном,

длинные светлые волосы, очки – роль без слов.

Тень бородатого с секирой – роль без слов.

Действие первое

Луна. Угол дома с балконом и двустворчатой дверью. Дворик с фонтаном. В глубине его – Сан, не спускающий взгляда с Муны. Она сидит на парапете фонтана. На коленях у неё – тетрадь. Перед фонтаном Флу, Вана и Тана танцуют томный танец страсти.

Муна (глядя на них).

Бессмыслица, и не иначе —

вся эта жизнь. А кто в ней плачет,

конечно же, глупей других!

Мир силилась я на двоих

с ним поделить... (Простирает руки к Флу.) Пустое дело.

«Возьми!» – нашёптывало тело,

«Отдай...» – легко цвела душа,

звериное во мне круша!

Но нет, звериное хотело!

Умело брать, иметь умело...

И душу подчинять могло!

И вдруг всё сгинуло, ушло,

как в пропасть водопад?

Все груды

чудес души моей, всё чудо
томленья тела моего:
весь жар, весь лёд – не для него?!

Вон там, с блудницами танцуя,
он в каждой лишь себя целует,
и тешит в страсти лишь себя!

Доколе, жизнь мою губя,
во мне он царствовать намерен?
Господь, в себе он так уверен!

Гордыни, хоть из кубка пей!
А что оставил от моей?..

Трещат извечные устои.
Война гордынь! Чего же стоит
любовь земная?! Ничего.

Пустыня взора моего
коснулась, или смерть в глазницы
великодушная глядится?..

Пусть смерть... О, пусть! Безумье страшно... (К Флу.)

Взгляни хотя бы в день вчерашний,
где мы с тобой... Там нет меня!

Ни там, ни тут... Шумов возня,
теней потерянных смятенье.

И бред ещё стихотворенья,
нашёптанного уж не мной... (К Луне.)

О свет, бескровный, неживой,
Доколе будешь в очи литься?

Ведь не с тобой же мне делиться
Своей бедой? Уйди! Пусти!
Иль не пускай... Не прорасти
Душе сквозь упований тлен...
Она больна. Ей перемен
не хочется. Уж не по силам
ни явь, ни сон ей... Всё постыло.
Льнут бестолково тьма и свет
к тому, чего в помине нет.
Всё незнакомо... И не ново.
Ведь чуяла душа не раз
и в дни наива молодого
озноб дыханья гробового:
косился на дыханье глаз,
шум в раковине чуткой уха
напоминал о чём-то глухо,
но не прислушалась душа,
утеху сладкую верша.
Теперь пришло. Я слышу, слышу:
Роняет чувство каплю в пыль.
Мысль волны гонит, что ковыль.
И рай звенит... И адом дышит
там, подо мной, и жжёт ступни.
И уж не прячутся они,
а жар, расслабься, принимают...
Фай (появляется за спиной Муны, исполняет танец иску-

шения).

Красавица, тоска, бывает,
скользнёт на милое чело,
черкнёт на нём, да и отпустит.
Откуда мраку нанесло?

Не слишком ли дала ты грусти
себя объять? Всенепременно
любовь, предательство, измену
и правоту, и зло, и ложь —
всё – время, будто острый нож,
судьбой отточенный, отрежет!
И будто не любил и не жил,
и можно снова начинать.

Дай мне стихов твоих тетрадь!
(Берёт у Муны тетрадь и
бросает её в фонтан.)

Она... Она, как гиря, тянет
тебя на дно минувших дней!
Уже ли прыгнешь ты за ней?
Саму себя тогда обманешь,
да и меня. Ведь разум твой
уже вкусил тоски иной...

А прежнюю я вмиг порушу.
Так, мелочь. Уступи мне душу!
И я верну тебе предмет,
что занимал немало лет,

увы, твоё воображение.
Заплачь, я руку протяну,
слезу твою возьму одну,
и вмиг наступит исцеленье.
Он твой!
Флу исполняет танец повиновения.
Да вот уж он ползёт,
что пёс нашкодивший, несёт
нарцисс как кость к твоим ногам.
(Флу подползает к Муне на коленях
с белым цветком в зубах.)
Муна (Фаю, сквозь слёзы).
Ты – чёрт, я вижу, да и – хам!
Фай. Заметно?
Муна. Как всё обмелело.
Как соблазнял ты неумело.
Где школа, стиль, точёный стих?
Где обхождение? Прежде лих
ты был, по слухам. А со мною,
нет, слабоват! И я не скрою,
что поиграть с тобой хочу.
Ты страждешь? Я тебе вручу,
как губку, выпитую душу.
Но вряд ли что-то я нарушу
в Великих связях, коль возьму,
как дань безумью своему,

твою взамен. Махнёмся, чёрт?
Как косен ты и как упёрт.
Всё – «дай, да дай, или продай...»
Ликует мозг – не уступай!
И я свершить желаю МЕНУ!
Покалывает страх в коленях,
волнуется под крепом грудь.
Ты – чёрт! Обманешь как-нибудь
меня потом. Но хоть немного
хочу пройти иной дорогой,
могущества душа желает!
Зачем? Теперь уж точно знаю —
чтобы с лихвою наделить
в твоих пределах, так и быть,
любовью всех, кто ласк не ведал,
кого в страстях ждалИ лишь беды,
кто безнадёжно уповал
на чувство и смиренно ждал,
не шествуя по чьим-то спинам.
Я стану чёртом! Всё едино
кипит безумие в крови.
Исполню замыслы свои,
и – в ад! Да я и здесь, похоже,
давно уж в нём. Озноб по коже,
немеют руки, пальцы ног...
Найдёшь в аду мне уголок,

где потеплее?.. Вечный холод
здесь на Земле – стеклянный сад
бесчувствия, что всем владеет.
Ну что молчишь, иль ты слабее?
Давай-ка, ловчий неудач,
слезу в ладонь мою наплачь,
а я тебе – свою, ведь так?
Фай (Небесам). Создатель, налицо тут брак!
Не белены ль подлил ты в глину?
Муна. Скорее, желчь луны и хину
унылых звёзд. И это – убери! (Указывает на Флу.)
Пред глупостью химерами сори.
У Муны же стезя теперь иная.
Фай. Сражаться за любовь чужую? Знаю...
Смешная цель. Нет, я себе не враг.
(Велит Флу исчезнуть.)
Ты и без меня чёрт уже, я прав?
Таких меж баб я не встречал доныне.
Пожалуй, чин с меня мой точно снимет
властитель тьмы, отправив в Тартары!
Меня ты превзошла... Такой игры
ни там, ни тут досель ещё не знали,
хотя, согласен, и до чёртиков устали
от монотонности обыденных забот.
Такую скуку, знаешь ли, несёт
власть вседозволенности нашей... Даже сила,

и та, сама в себе скулит уныло.

И страсть как тянет, тянет почудить!

Риск благороден. Знаешь, так и быть!

(Фай снимает с лацкана фрака паука и вручает его Муне.

Она же отдаёт Фаю свою душу – белую розу. Фай, насвистывая, уходит. Появляются блудницы и Флу.

Флу (Муне). Вы всё грустить изволите?

Муна. О, милый!

Заговорил... С какою лютой силой
тебя ждала. И вот настал мой миг!

О, Флу, вот здесь обитель грёз твоих:

(Прижимает руку к сердцу,
вздрагивает, наткнувшись на паука.)
твои победы, ужас поражения,
восторг твой тайный, сладость униженья...

Я чую, чую ток твоей крови,
все чаянья сокрытые твои
в снах наяву. Одно прикосновенье
позволь! И нож случайного мгновенья
пелёны времени пронзит и вспорет лёд
меж мною и тобою... (Падает ему на грудь.)

Флу (вдохнув запах её волос). Дикий мёд...

Я знал, и не коснувшись, да, люблю!

Прильну, и будто в райском я хмелю...

Мы половинки две с тобой ореха.

Вана. Нет, доведёте вы меня до смеха.

Тана. Или до славной драки, я клянусь!
Флу (Муне). Люблю твой пламень истовый и грусть...
Вана. Занудство бабье любит, не иначе!
Тана. Нет, не могу, пойдём, а то заплачу!
Муна (Флу). И я тобой, мой милый, сражена,
как птица в небе острою стрелою.
Идём же, ну, идём скорее со мною!
Ты муж мне верный. Я тебе жена
пред всем, что движется, растёт, поёт и дышит...
О, пусть моё признание услышат
и грозный мрак, и ясный тихий свет.
Тана (наскакивая). О нет же, я не дам его, о нет!
Вана. Поехало... Мы ждали, и дождались!
Идём, подружка, как мы обознались!
Нам тут не место. Прочь скорее отсель!
Гляди, раскис, расползся, как кисель...
Был славный Флу, а вышла, право – баба!
Тана. Ага, взяла она его не слабо!
Вана. Видать, она и есть меж них – мужик!
Флу (Муне). Какой, однако, долгий странный миг...
И как нелеп он. Ах!.. И я – не я?
Ужель опять игрушка я твоя?
Играть мной, будто веером, доколе?
(Отстраняется, переходя на «вы».)
Я вам сочувствую, и только лишь, не боле!
Но чтоб тоску вашу развеять, уступлю

вам двух своих распутниц. Вот, на выбор!

Вы добродетельны, как вяленая рыба...

Ах, не по нраву то, что вам сулю?

Прошу простить, я нынче во хмелю,
пожалуй, не достоин взгляда Муны?..

(Блудницам.)

Но вы, что столь мудры, сколь и бездумны,
скажите, в чём я, бедный, виноват,
что ей отказываю десять лет подряд?!

(Муне.)

Не я один... Задумались бы, Муна!

В наш век нелепый слава и фортуна

не служат добродетели, увы,

пред нею не склоняют головы,

как прокажённую они её обходят

и дурочкою кличут в обиходе!

(Разглядывает паука у Муны на груди.)

А хуже то, что ты ещё умна...

Ум твой, о, женщина, увы – твоя вина

перед мужчиной. К вечным унижениям

мужей приводит трезвый женский ум! (Достаёт штоф.)

И лишь вино приносит облегченье!

И да спасёт нас щедрых лоз брожение...

(Блудницам.)

Ну что, милашки, «бум» или не «бум»?

(Вакхический танец Флу и блудниц.)

Муна (Флу). Всё тот же ты. А я уж час – не та!
Прочь своеволие чувств! Их суета,
как болтовня твоя, – вот здесь уже... А впрочем,
и ты бываешь, к удивлению, прав.

Полжизни – мимо, мы ж всё слёзы точим!

Пора, я чувствую, давно уже пора
отдаться в руки тех, кто вправду любит!
О, добродетельность, она меня погубит...

Пусть будут счастливы достойные любви!

Лишь им вручу я ценности свои:
и негу, и порыв, и свет сердечный...

Те ценности, что и за гранью – вечны!

Всё в мир отдам, что мнило быть твоим!

Страсть замешаю на истоме, на крови,
ни нищему, ни старцу не жалея!

Да вон один из двух уже, в аллее,
меня к блаженству вечному зовёт!

Мой взгляд, мой жест, мой оклик стережёт...

И пусть лишь тем душа моя пьяна,
что пьян он мной, есть худшие напасти...

Как отражает солнца свет Луна,
я обожгу его – его же страстью!

(Сану.)

Иди, мой Сан, дождался ты, зовёт
тебя на ложе жертвенная жрица!

Пусть жаркий пламень твой мне душу обовьёт,

пожарищу тогда до неба взвиться!

(Флу.)

А ты иди себе, ты славно послужил
накапливанью зноя в недрах жил!

Увы, ты скорлупой служил ореху!

Иди, спеши, лети к своим утехам,
кровосмешающим с пречистой правдой ложь,
и взор мой просветлённый не тревожь
твоим пред ним бессмысленным явленьем!

Флу. Однако налицо тут обновление!

(Муне.)

Какие силы этому виной?

Ведь прежде соглашалась ты со мной
во всём, и тем ужасно допекала!

Из-за того горел я вполнакала.

Когда б такой ты сызнова была...

Муна (Флу). Подите прочь, я так от вас устала...

Вы мне мешаете! Не вас же я звала?

Ведь все мужчины, право, – манекены...

Отвергни всякого, и всяк уже готов,
сыграть послушно роль свою без слов:
и страсть, и ненависть, и холодность измены.

А эти?.. (Указывает на блудниц.)

Да ведь их смешит твой нимб!

В неведение сим куклам – всё едино!

Флу. И всё ж они творцу необходимы!

Муна (с усмешкой). Увы, есть назначение и им...

Флу (обнимая блудниц). Ещё какое! Если разумом разъят сей Мир, в их пустоту идёт разряд от глыб его, в сознании сводимых...

Муна (с усмешкой). И перст возмездья, уж конечно, — мимом?

Ну что ж, я полюбила бы и их,
как твой упрямый, непокорный стих
и желчь твою, и трепет содроганий
от несовместности нечаянных желаний,
сошедшихся в бою, как два меча!

В твоём сиянье дивном, как свеча,
я б таяла... (Опомнившись.) Когда б совсем рехнулась!
Но, слава Богу, вовремя очнулась.

(Манит Сана рукой.)

О, Сан мой, ты меня услышал, Сан?

Сильнее обойми рукою стан,
хочу сияньем радости упиться!

Бери меня!

Сан подбегает к Муне и подхватывает её на руки.

Муна. Как вытянулись лица
кутил, стыда не помнящих.

(Флу.)

Пока-а!

Сан (Муне). О, ты любовь, как пух небес легка!

От радости трепещешь, я не верю!

(Флу.)

Ну что стоишь? Открой скорей нам двери
в альков тенистый. Ждать уж нету сил!

Флу открывает им двери. Сан, подпрыгивая от нетерпения, вносит Муну в дом. Через мгновение он возвращается уже один, исполняет перед Флу краткий победный танец и снова скрывается в дверях.

Вана. Копытцем стукнул пару раз, и след простыл...

Тана. Что было тут?

Вана. Сама не понимаю.

Но шла игра, поверь мне, здесь такая,
в которую нам лучше не играть,
а то костей, пожалуй, не собрать!

Входит Иза.

Флу (хватает её в объятия). Ах, вот идёт спасение моё!

Иза (Флу). Стоите вы на подоле моём...

Флу. Таких ладошек сам король не видел!

Ах, Иза, чтобы я тебя обидел...

Пусть гром небес меня испепелит!

Иза. Мне ваших слов хозяйка не простит!

Гром – далеко, а Муна рядом, близко!

Флу. Твоя хозяйка так упала низко,
что ниже некуда, я думаю, упасть!

Иза (с сомнением). Чтоб эту льдину растопила страсть
садовника любви, малышки Сана?..

Вана. Он сторожил её недаром неустанно.

Фортуна звякнула, и выпала ему!

Тана. Но как, как снизошла, я не пойму,
к такому выбору разборчивая Муна?

Тана. Её сразило обаяньем юным!

Вана. Иль ревности мечом.

Тана. Иль бабьей мстью!

Вана и Тана (одновременно). Или, как водится у баб, – всё сразу вместе!

Иза. Нет, тут другое – помудрёней дурь в крови —
когда надеяться нет сил...

Флу (о себе). Темно и больно...

Иза. Себя унизить, чтобы недостойной
стать высочайшей собственной любви
и тем спастись! Уж я-то её знаю.

Дневник, случается, возьму и полистаю...

Муна (возвращается под руку с Саном).

Ну вот, душе – ещё один урок!

Ни друг, ни брат мне б так помочь не смог,
как выручил Эрот! Уж клин – так клин!

Как дым развеялся мой похоронный сплин.

Пожалуй, припугнусь ещё... И что же?

Коли лекарство Сана мне поможет,
то курс лечения продолжу до конца!

Возмущённый Флу подхватывает Изу на руки.

Иза (Флу, указывая на Муну и Сана).

Гляди, да им шажок уж до венца,

уже фату я вижу на невесте!

Муна. Ну вот, мой Сан, актёры все на месте.

Не видно, право, только... —

(Взбирается на парапет фонтана, колдует в клубе сизого дыма.)

Короля!

Флу. Да вон его кортеж летит, пыля.

Муна (Флу об Изе). Поставьте вашу «вещь», а то помнёте.

Не видите, у девочки — животик!

Мой Сан напрасно время не теряет.

Уж, коль садовник, то всю сажает...

И как?! Не оторваться, не унять!

Не устаёт он чёлн любви качать.

И не забыть, и вот уж снова тянет...

(Изе.)

Сойди с него. Он и тебя обманет!

У гениев пелёнки не в чести.

(Флу.)

Иль стоило ей пальцем повести,

и стал в вопросе этом ты смелее?..

Сан (Изе, чмокнув её в уже обозначившийся живот).

Мы не вольны в себе... Любовь сильнее,

чем радость на часок. Прости, Изок!

(Возвращается к Муне.)

Появляется Король. Танец комплиментов всех присутствующих перед ним.

Король. О, как камзол мой новый запылился...

А всё же я неплохо заблудился...

Красотки... и – фонтан! И мальчик славный...

(Тянет руки к Сану, тот отстраняется.)

Эй, кто из вас, милейшие, тут главный?

(Муне.)

Ах, вы, голубушка? Что ж, я до завтра тут

устрою отдых, коль приют дадут...

(Изе.)

Эй, девочка, сойди с него. Вина!

Однако, как болит моя спина... (Потирает зад.)

Во рту ни крошки! Не запечь ли нам фазана

на Угольях? (Бросает птицу Изе.) Вставать мне завтра ра-

но.

Куда пройти?

Муна. Сюда, мой сир, сюда!

Флу (к блудницам.) А вас уж не держу я, «господа»...

Король уходит. Сан, блудницы и Иза – за ним, Флу задерживается.

Муна (сама с собой). Ну, чем не чёрт я? Как играю роль?..

Король был нужен? Налицо – король!

И сладострастие меня не миновало,

которое я в тайне поджидала.

Даря любовь, сама я не внакладе,

хоть затевалось всё другого ради...

Но, что так сердце вскинулось? Болит...

Флу. Видать, не по желудку – аппетит! (Уходит.)

Муна (ему вслед). Не кукла я... И вряд ли ледяная.

Одно уж наперёд теперь я знаю,
что – женщина! Хоть чёрт наполовину...

Но кто найдёт златую середину
меж женщиной и чёртом? Да никто!

Ну а грехи?... Отмолим их потом.

Чем в старости досуг ещё занять?

А всё-таки... достану я тетрадь! (Наклоняется к воде.)

Король (вернувшись). Хозяйка, где вы?

(Заглядывает Муне под подол.)

Чудное бельё!

Нет, нравится мне здесь всё больше, больше...

А ткань, пожалуй, чем у дам придворных – тоньше...

Голубка, вожделение моё!

А уж под тканью...

Муна. Отпустите, сир!

Я знаю, вы у здешних дам кумир.

И, может быть, вам время уделю,
когда постель хотя бы постелю!

(Вырывает у Короля из рук свой подол. Король падает,
роняет с головы корону.)

Ну а скорей всего, пошлю к вам Изу.

Не Сана же?... (Помогает Королю подняться, надевает ему
на голову корону.)

Был путь у вас неблизок,

и сил едва ли хватит на неё!

Король уходит.

Муна (с горечью ему вслед). Слетается на пададь воро-
ньё...

(Садится у фонтана.)

Сир нужен мне, чтоб лордом сделать Сана.

Я потружусь бессонно, неустанно,
но своего добыюсь. Мне нужен Сан!

Довольно мне сердечных тяжких ран,
и так, лечить – не вылечить. Я буду
сама расчётливость, нет, алчность, нет, рассудок!

И всё же, крепко как меня взяло?!

(Не оседлать бы сходу помело!)

О Флу я что-то и не вспоминаю.

Какая там была ещё другая
причина, по которой Сан и я... (Куда-то в сторону.)

Ты снова, немочь чёрная моя,
крадёшься в мозг? Не дамся, не возьмёшь! (Трёт ладоня-
ми виски.)

О, чёрт-бедняга, как ты там живёшь
с душой моей, потеряно ранимой,
своею братией хвостатой не хранимый?

Она теперь – на страже у меня!

Вон, так и носится по дому, семена...

Слышен гвалт, визг и смех. По сцене пробегает Иза с за-
жаренным фазаном на блюде, за ней, восторгаясь и приню-

хиваясь – Король, Сан и блудницы.

Муна. Пусть там кутят, свой краткий век губя...

Оставить Сана здесь, подле себя,

но приподнять в чести, мысль неплохая.

Я с сиром всё по нотам разыграю!

Любовник лорд ведь лучше, чем садовник?

Мальчишка, став своей хозяйке ровней,

конечно, загордится. Не беда.

Он, сладкий мой, до страшного суда

у ног моих, вот здесь, бессменно будет!

Что честь? И что бесчестье?.. Кто осудит

меня, что не жила досель, лишь тлела.

Хулить, судить, казнить – пустое дело.

А вы попробуйте судьбу за хвост поймать,

зажать между колен, не отпускать,

и, знай, нахлёстывать, на сколько хватит силы!

И так... – до поджидающей могилы,

которой всё равно, кого принять.

Уж я – не я... Во мне всё глубже тать!

Но с каждым днём сильнее Муна с ним!

Судить меня?.. Да всяк из вас судим

молвою, властью или Божьей дланью.

А значит, в каждом – жалость, сострадание

к таким, как я, и к тысячам других,

кто невзначай, а кто в условный миг

сражён любовью был. Пожалуй, лишь она,

хоть губит нас, пред Богом не грешна!

Ну, что ж, и мне пора уже...

Фай (из-за фонтана, в оборванном фраке, держась за поясницу). Постой!

Обратный торг пришёл вершить с тобой.

О, женщина, меня ты погубила!

Любовью ко всему ты наделила

вместилище бывшее лжи и зла.

Какой я чёрт? Похож я на козла,
которого весь мир доить пытался...

Не знаю, как я жив ещё остался!

Но вряд ли это жизнью назовёшь...

Жестокая, уже ли ты уйдёшь?

Я шёл к тебе пешком через пустыни!

Пронзать пространства не моё отныне...

Не чёрт, не баба я, а видишь – чёрт те что!

Муна. Совсем ослаб, дружок ты... Ах, не то!

Сейчас я к разговору не готова.

Когда-нибудь – пожалуй. Не сейчас!

Да замолчи же! Я велю – ни слова!

Не тот ты выбрал год и день, и час...

Исчезни!

(Фай с шумом падает в фонтан.)

Жаль, что я тебе не впрок.

О жизнь, о страсть... (Смахивает брызги с подола.)

И это ваш итог?

За сценой слышны пьяные вопли, визг и смех.

Рона (Муне, входя). Веселье, тут?.. Вот где уж не ждала.

Похоже, Рона не туда попала?..

Муна. Права ты, я от них уже устала,
и если б не король, уж прогнала б!

Рона. Всё та же ваша страсть?..

Муна. Да – море грусти...

Рона. Когда же вас проклятие отпустит?

Муна. В могиле, Рона! Да и то ещё, как знать.

Рона. Хотела с вас примера я не брать,
не вышло...

Муна. Я ушам не верю, Рона,
прорвали вашу круговую оборону?
А как же муж? Ведь ты же на него,
душеприказчика и друга своего,
я помню, если не молилась только?

Рона. Молилась! Только проку-то от слов...

Муна. Не из кумиров ли творим себе врагов?

Рона. Из них, из самых... Не люблю его нисколько!

Хоть и служитель Бога он, но ведь
не впавший в спячку зимнюю медведь?!

И я ещё не мёртвая – живая!

Нет, горше участи с недавних пор не знаю,
чем быть служителю – услужливой женой!

Муна. Ах, сколько страсти, Рона, боже мой...
Тебя бывало из норы твоей не вынешь!

И вдруг – сопротивление, гордыня!

Одна сюда стремглав примчалась в ночь?..

Рона. Пришла сама. Должны вы мне помочь:
спасти, иль в ад толкнуть!

Муна. Задача непростая...

(По заднику сцены проходит тень бородатого с секирой)

Рона (указывая на неё). Я высохла, я страдаю, я страдаю...

И нет спасения от страсти мне нигде!

Муна. По ком, о, Рона?

(Указывает на Тень бородатого с секирой.)

Вот по этой... бороде?

Отселе вижу без очков я, что за птица...

Как угораздило затворницу – влюбиться?!

В кого ж, в вояку... Я таких на шаг, на вздох
ни к телу, ни к душе не подпускала!

Рона. Он ранен был, дышать едва ли мог...

Я вылечила, только приласкала!

Муна. И тотчас жало вынула змея?..

С тех пор уже сама ты не своя,
и согрешить сверх всякой силы манит?

Рона. Пять кладбищ за собой он, грешный, тянет!

Муна. И впору Роне подменить его?..

С тебя довольно, слышишь, твоего
греха... А ты чужой уже на плечи
себе взвалила. Рона, ты – как я!

И ждёт тебя, увы, судьба моя.

Рона. О, Господи... Час от часу не легче!

Я буду, Муна, день и ночь молиться
за нас с тобой, а пуще за него...

(По заднику сцены опять проходит тень бородатого с секирой)

Муна. Не выйдет. Он добьётся своего!

И чудо вряд ли здесь уже случится.

О, сердце... Хлада лишь в него плеснём,
на смену жар другой любви приходит!

Рона. Нет, чую, здесь нечистый греховодит!

Муна. И я, голубушка, конечно же, о нём!

Все с жалости в свой срок мы начинали,
и в те же сети сдуру попадали.

И бьёмся, бьёмся от рожденья в них!

Не мучайся, вкуси за нас двоих
любви живой... И дай-то Бог, отпустит.

Рона. А вдруг навек возьмёт?

Муна. Ну, уж тогда
над головой твоей взойдёт звезда —
иная...

(Тень бородатого с секирой машет Роне рукой.)

Рона. Ах, качнулся кустик...

Всё, Муна, милая, уж пан или пропал!

Зовёт, рукою машет мне, узнал...

Муна. Ответь ему! (в сторону) Сюда ещё придёт...

Рона. Толкаешь, Муна, ты меня в могилу!

Ведь я к тебе пришла, чтоб заслонила.
Муна. Иди, иди! Любовь тебя зовёт!
Пока не выгорит (прижимает руку к сердцу)
вместилище желаний,
мы делать глупости, увы, не перестанем!
Моё – дотла! И память замела...
Я, будто дерево, – стою, хоть умерла.
(Рона устремляется к Тени бородатого с секирой.)

Занавес

Действие второе

Зима. Большая зала с окном и входной дверью. Муна, с чёрной лентой на лбу, сидит, вытянув ноги к огню. На коленях у неё – книга. Иза качает на руках младенца. Из соседней комнаты слышится детский плач и воркование Роны.

Муна. Да... Жизнь идёт! Рождаются бедняги
на ту же муку, пыль Земли толочь...

А чтоб судьбы оковы превозмочь —
ни разума, ни силы, и отваги!

Иза. «Судьбы... оковы...» Есть что и поближе!
(Целует младенца.)

Муна. Что ближе, то болит... И чтоб передохнуть,
над ним на цыпочки привстанем, и нанижем

на нитку вечности сегодняшнюю суть,
почти играючи.

Иза. А не скорбя уныло!

Чтоб Флу забыть, вам Сана не хватило?..

Муна. Да, клин – клинОм! Но если узок клин?..

Иза. То надобен ещё, и не один!

Муна. Послушай, Иза, что-то славный Си
давненько к нам с визитом не являлся...

Иза. Да, прежде здесь он часто пресмыкался,
стихами все мозги проголосил!

Муна. Был здесь, у ног всегда, и вот не стало...

А занимал меня тогда немало
его зовущий взгляд.

Иза. Ха... Год назад!

Муна. И вздохи, и печаль, и обожанье...

Ни разу не открылся он в желаньях,
а ведь любил! Ответь, где он теперь?

Иза. Вы сами перед ним закрыли дверь
тем, что отдались безрассудно Сану!

А Си ведь ровня вам и внешностью, и саном,
и всем другим... Так хрупок, утончён!

И, как и вы, с Евтерпой обручён! (крутит пальцем у виска)
Стихи писал, не хочешь, а заплачешь...

Пропал, наверно, где-то, не иначе.

Муна. Не верю... Отыщи его. Скорее!

Пора уж траур мой, как пепл, развеять,

чтоб по заслугам Си вознаградить!
Не всяк, увы, способен так любить!
Иза. А Сан?..

Муна (Берёт в руки портрет Сана). Ах, незабвенный сладкий Сан,

кумир господ, цветочков и путан,
(Стирает с портрета густую пыль.)
навек спит он там, в чужом краю...
Уж год, как по нему я слёзы лью!
Пусть был бы рядом, хоть неблагороден.
Для службы воинской едва ль он был пригоден,
а мужем бы вполне сгодился быть.

Всё налицо – услужливость и прыть!
Ведь жёнам от мужей так мало надо —
чуть ласки, ночь без сна... И вся награда.
Всё остальное могут жёны и без них!

Иза. О, Немезида наша, слишком лих
ваш тяжкий меч. А как же к жизни средства?
А дети? А опасное соседство?

Муж воин, да ещё, если богат,
вот женщине – награда из наград!
Ведь без защиты, счастье дома зыбко?..
Муна. Опять о службе воинской?.. Ошибку
уж по вине твоей свершила я
непоправимую... Да, то вина моя,
что обошлась я с Саном, будто с пешкой.

И вот судьбы жестокая усмешка:

король его призвал, чтобы – любить?..

А рок решил – достойнее убить! (Роняет портрет.)

чем отдавать его?! Утехам «лунным»...

И, видишь, овдовела рано Муна.

Иза. Грешно вам! Овдовели, не венчаясь?..

Я вот, то с этим, то с другим встречаюсь...

Нет, муж – другое... Как же вы могли?

С таким умом, и это не постигли?!

Конечно, с Саном эти фигли-мигли

ни вам, ни мне (целует ребёнка) так даром не прошли...

Зажги в нас пламя раз, и не погаснет!

Ведь нет огня желания прекрасней...

Он уж до смерти в женщине! Хоть мал

наш Сан, но скольких он позажигал...

Муна. Ну а любил меня!

Иза. Ага, страдал,

усох от страсти, будто лошадь пал!

Ужель самым вам, право, не смешно?

Муна. Могла б смолчать! О мёртвых ведь – грешно!

Он ждал, и как послушно, терпеливо...

Я отдалась, и сделала счастливым

его. Я чувствовала, видела, нет, знала —

ему, такой как я, и не хватало!

Иза (в сторону). В коллекции бесстыжих, наглых баб!

Муна. Была рабой ему царица! Прежде раб,

он стал властителем не только на постели.

Иза. Да, выходил от вас он еле-еле...

Муна. Мне не дано. А счастья выше нет,
чем заиметь в владение предмет,
которого так сердце возжелало,
как у него, навеки, навсегда!

А я перечить всем уже устала...

Вот и прикинулась моя беда
к нему любовью. В том – на грош вины.

Вкусил ведь ласки, неги, глубины?..

Иза. Ну, если «глубины», тогда, пожалуй...

Эк, как под селезёнкой задрожало!

Хорош подлец был, хоть бы сын его,
из нас не повторяя никого,

случился на отца хоть чуть похожим!

(Смотрит в пелёнки.)

Но, хоть в одном-то мой сынок, положим,
взгляните, Сан – и всё! Ни дать, ни взять.

Муна. Ах, нечего младенца простужать!

Пускай растёт себе кому-то в радость.

Ты знаешь... Ест меня одна досада,
что план свой давний не смогла я воплотить.

Вот если б Флу смогла украсть я...

Иза (делая уборку, прихлопывает таракана). И убить?!

Муна. Нет-нет... ПривЕсть сюда его тайком,
с лицом, укутанным иль пледом, иль платком,

хоть под конвоем, хоть спелёнатым, хоть пьяным,
хоть полумёртвым, хоть с каким дурным изъяном,
и силой взять!

Иза. Не узнанной при этом?

Муна. Тогда б ещё я позапрошлым летом
смогла б родить мальчишку: лоб – его,
мучителя до гроба моего,
и пальчики, и плечики, и глазки...

Иза. И вы не побоялись бы огласки?

Муна. Я б тайно родила. Для всех он был бы твой!
Чернявенький, с курчавой головой...

О, как бы всласть его в макушку целовала!

Иза. Всё Флу да Флу, а Сана вот не стало!

Всё через вашу блажь, а то бы жил да жил.

Муна. На здешних грешниц не жалея сил...
(Смотрит на ребёнка И з ы.)

И вправду ведь похож, не личико, а солнце!

Иза. И глазки щёлочки, как у того японца...

Муна. Пожалуй...

(Входит Рона со своим младенцем на руках.)

Рона. Муж ещё не приходил
за мной? Простить ведь обещался...

Муна (листая книгу). Ну, что ж, Платон ужасно мил...
А твой пока не появлялся.

Иза. Ещё придёт... (Роне.) Хоть впрок пошла наука?

Рона. Когда бы знала, откусила б руку

себе.

Иза (в сторону Муны). А ей бы нос за все её дела!

Рона (глядя в сторону). Вон Боня мой идёт! Ну, я пошла?..

Иза. Иди, иди! И чтобы этот дом

за две версты или за три кругом

отныне ты с младенцем обходила!

(В сторону Муны.)

Ишь, Си ей подавай теперь, убила б!

Рона уходит.

Муна. Кто ж знал, что этот самый солдафон

о ней забудет через две недели?

Иза. Вы знали наперёд! Чего ж хотели?

Муна. Я думала, что Рону любит он,

как Флу меня...

Иза (ехидно). Аж ходуном кадык!

Муна (млея, о Флу). Сквозь зубы цедит, и отводит лик...

А всё ж, в душе его оставлена лазейка!

Так, щёлочка в два ногтя, для копейки,

нет, скважина, за коей спит вулкан,

в котором плещется моя, не чья-то лава...

Но на неё накинута я аркан!

Довольно мне глядеть на их забавы...

Ну, сколько, сколько бедной Муне ждать,

пока на Флу низвергнет благодать

не разума, так трезвости явление?!

Иль только в старости глубокой преклоненья

его дожётся сморщенная Муна?

О, Муза, оборви иные струны!

Лишь в сердце у него, ни в чьём другом —
дом моего истерзанного сердца!

Иза. Хорошо, скажу я, дом...

Лет двадцать уж, как в нём
закрыты окна и забита дверца!

А бедный Сан...

Муна (со вздохом). Да... Он пример тому,
что в ад ведёт тропа благодеяний.

Но у себя и Си не отниму!

Его черёд. И пусть он жертвой станет
своих страстей... Всё лучше, чем ничто,
пожравшее своим бесстрастным ртом
мой огонь, не дав вкусить любви ни крохи!

Иза (в сторону). О, бедный Си, твои делишки плохи!

Беги отсель, насколько хватит ног...

Муна (с усмешкой). А то вкусишь сполна ты, видит Бог,
то лучшее, что с Муной не случилось...

(В сторону.)

Однако в рассуждениях я забылась
перед служанкой... Не сбежала ли душа
моя от чёрта, высший долг верша?

(Изе.)

Вот вспомнила о Си, и мне приснилось,
что звякнула щеколда, тявкнул пёс...

(Встаёт и колдует в клубе сизого дыма. Входит Си.)

Иза. Кого это буран в ночи принёс?

Да это ж Си! Вот, лёгок на помине!

Камзол зелёный, ну а нос уж – синий!

Всё ж потянуло в отчие края...

Муна. Не волен он... Всё эта власть моя,
что до добра, как вижу, не доводит!

(Изе.)

Эй, плащ прими! Пускай к огню проходит,
и принеси горячего вина.

(Подходит к окну.)

Эк, замело... До самого окна!

Пусть Флу упрямится, пусть бьёт копытом в пол,
истопчет пусть вокруг и леси дол,
дождусь его, мне отступать негоже!

Сан или Си, или другой, быть может,
хоть так восполнят мне упрямца Флу,

что не собакой уж лежит на сене,
а сам себе в безудержной измене —
вороной белою средь чёрных – на колу!

Не зря ж я чёрт? Пусть чёртом и умру!

Но всё же на лукулловом пиру
во все я тяжкие с страдальцем Си пушусь!

В рай загляну, и трижды в ад спущусь...

Ещё есть стрелы! Не оборваны тетИвы...

Его я сделаю немислимо счастливым!

Он сох по мне без малого семь лет!

Безбрачия хотел принять обет,
коль я его не стану! Утопиться
намеревался как-то по весне!

Недаром кровь моя в висках ярится...

Сожгу его на медленном огне,
подкинув дров, припрятанных для Флу!

(К Си.)

Ну, где же Вы? Не стойте там в углу!

Сегодня Муна траур свой снимает...

Иза (в сторону). Такие в нём недолго пребывают!

Не женщина – чёрт в юбке! Не узнать
с недавних пор в ней прежней тихой Муны.

Что ж, в тихом омуте... Пословицы разумны,
а иногда, так просто – прямо в точку!

Ну, чувствую, сегодня будет ночка!

Недаром – круглая, как спелый блин, луна!

А в полнолунье, бабе, не взбеситься?!

Вот помню, я, когда была девицей...

Муна. Ну, вспомнила! Неси-ка каплуна
и два бокала, те, что подороже.

Ну, начали! (Пожирает взглядом Си.) И пусть тоска по-
может

хоть раз, ха-ха, самой себе назло!

Си, молча, валится Муне в ноги.

Иза. Ну, надо ж, как бедняге повезло!

Какой уж тут, скажите, им каплун?

(Ребёнку на руках.)

Пойдём-ка спать, мой Санчо, мой шалун,
о папке погрустим с тобой немножко.

(Напевает.)

Собачка спит в углу, а в кресле кошка...

Гаснет свет. В багровых вспышках – бешеный танец Муны над поверженным Си.

В нём участвует и кордебалет белых и чёрных. Наконец, обессилев, Муна падает подле Си. На неё и Си осыпаются, образуя подобие кучки пепла, чёрные и белые. Гаснет свет. Громко тикают часы. Пауза.

Когда дают свет, в комнате – Иза и Муна, сидят рядом уже в летних платьях. На столе – букет цветов.

Иза. Полгода мИнуло, как не было, однако.

А помните, камин, пурга, собака...

Муна. Залаяла, и появился Си.

Зачем его звала, меня спроси?!

Измучила и вот с ума свела.

Иза. Ему во благо ль?..

Муна. Лучше б умерла

я до того, как он сюда явился! (Отвернувшись, пьёт из склянки яд. На пластиковой бутылке – череп и кости)

Иза. Но, как любил?! Как цвёл! И как светился...

Не выдержал... Не всякому под силу

огонь, зажжённый Саном, внутрь принять.

Но, что теперь вам попусту пенять?

Ведь, слава Богу, всё ж не до могилы
вы Си благодеяньем довели...

Муна. Мне холодно, подать огня вели.

Иза уходит.

Муна (Разглядывая пустой пузырьёк.) Не горек яд...

Жизнь горше, напроверку.

Пять лет он ждал за потайною дверкой
меня в гранёном чёрном пузырьке...

И вот дождался! Капля на руке – (Вздрагивает, косясь
на задник сцены, на котором появляется тень Фая.)
на чью-то кровь нечистую похожа...

Его она, конечно же! О, Боже! (Хватается рукой за паука
на груди.)

Как обошлась я с чёрною душой?..

Придут за ней, нет ни её, ни Муны!

(Вскинув руки, уже жалобно, к Небесам.)

Ведь чёрта порешить грех небольшой?

Пожалуй, поступила я разумно?

И то... Ведь ум не продан, как душа?..

Иза (возвращаясь). Ну что вы так казнитесь? Все грешат.

Подлечится ваш Си и, будто новый,

к вам явится, чтобы вздыхать тут снова.

Муна. Нет, уж увольте! Что смогла – дала.

Для прежних игр я, слышишь, умерла!

Самой себе давно я не по нраву!

Что заслужила?

Иза. Лишь дурную славу!

Муна. И больше ничего. Запри-ка дверь.

Пора мне образумиться теперь.

Хотела на поруганной любви
я возвести любви счастливой стелу!

На сотню лет я, Иза, постарела
в сизифовом труде.

Иза. Не говори... (В сторону.)

Вот врёт бесстыдница! Ишь, напустила мраку...

Здесь, в нашем доме, знает и собака —
во имя Флу, увитый чёрной лентой,
ваш постамент из падших претендентов!

И нечего свои нам байки петь!

Муна (о своём). Нет сил о благе страждущих радеть...

Иза. Совсем свихнулась, знай, своё твердит!

Один с ума сошёл, другой убит,
а ей всё мало. Не уgomонится!

Пора бы у меня хоть поучиться:
хозяйство, хлеб насущный, в сладость тело...

А прочее, не бабье это дело!

Так нет, всё — о какой-то там любви!

Муна. Зови священника и Рону позови.

(Пишет записку.)

Намерена я с миром распрощаться...

Иза. Мне показалось, или в дверь стучатся?..

Муна (сама с собой). Ведь как душе больной без покаянья
пред Богом и собою? Все деянья
мои во благо, обратились в зло.

Иза. Пожалуй, только Флу и повезло!

Входит Флу, следом – Вана и Тана.

Иза возмущённо плюёт в пол.)

Флу (Муне). Я должным всё же счёл у вас спросить:
вы в разуме ль мне всё здесь отписали —
и дом, и сад, и луговые дали?

Муна. И две ещё деревни, так и быть!

Иза. Эк, размахалась тут – с плеча рубить!

Муна (Флу). Я в разуме, хоть голова в огне.

Куда я еду, там уж вряд ли мне
всё это пригодится... Не смущайтесь,
ключи примите. Иза, дай! Располагайтесь.

Иза. Нет, погожу... Костёр не отгорел.

(Флу пытается взять у Изы ключи, та их не отдаёт.)

Муна. Тогда, до завтра... Всё же пару дел
пустяшных... завершить мне здесь осталось.

Флу (с недовольным видом). А у меня – по горло!

Муна (сама с собой). Так, усталость...

Охота, видно, к перемене мест!

Здесь ничего не дорого. Окрест,
кроме могильных плит, ничто не близко.

Флу, вам ещё... Возьмите, вот – записка! (Отдаёт записку

Флу.)

Но это всё уж после, а теперь,
мне нездоровится. (Изе.)

Запри за ними дверь!

Иза, заупрямившись, остаётся на месте. Блудницы уходят.

Флу задерживается у порога.

Муна (Изе). Что – Флу?.. Лишь власть глагола над толпой
его, увы, с рождения снедает!

В полночных бдениях он устал не знает.

Его ни страсть, ни злато не влечёт.

Скажи, к чему ему мирской почёт,
коль силы на труды с лихвой даёт
ему свой разум – истинно могучий!

Величья жажда, вот что жжёт и мучит
безумца, не давая есть и спать.

Не раз, поверь, я силилась отнять
его у этой злой, нездешней силы...

Но, знаешь, за неё ведь и любила!

Что ж, надвое нам с ней до гроба рвать
дита сие упрямое? Пусть мнится
ему, что этот грешный мир вертится
лишь вокруг него, единого. Как знать?..

Поверь, столика Божья благодать...

А вдруг он прав?! И лишь свободный гений
в нирване вольных праздных измышлений,
не взятый ни любовью, ни семьёй —
один – способен высшего добиться?!

Ну что ж... Готова Муна покориться.

О, Холод Разума, бери, – он только твой!

Флу вздрагивает и быстро уходит.

Муна (со стоном). Храни его...

Иза. Да что за блажь такая?

Муна. Я эту пьесу, Иза, доиграю
достойно, хоть не так, увы, жила.

Отец и мать... Отпали два крыла.

Душа уж не моя. И что в остатке?

Да... Там оставила у Санчо я в кроватке
довольно золота, чтоб вы с ним не нуждались.

И платья все мои тебе достались,
и дом за церковью, что пару лет – ничей...

Под старой грушей – гнёзда там грачей
над ветхою скамьёй, где я стихи
ещё девчонкой, помнишь, сочиняла?

Иза. Так замолить хотите вы грехи?

Муна. Молчи! Я от всего уж здесь устала. (Падает на колени.)

Карай, о Господи, готова я, карай!

Фай (Ещё более оборванный, влезает в окно).

Из ада выгнали, и не пускают в рай... (Муне.)

Не ценят, видишь ли, души твоей заслуги...

Я снова очертел в зачатом круге!

Истрёпанную мной без толку душу
свою возьми! Ей богу, нету сил...

Иза. Сам чёрт пришёл, а я, гляди, не трушу?!

Муна (Фаю). О Боге ты уже заговорил?!

Видать, душа моя достала до печёнок!

Возьми свою! (Бросает паука Фаю.)

И брысь отсель, чертёнок!

Ишь, очертел он, то-то я гляжу,

что чёрта уж в себе не нахожу!

Непрочная, однако, вышла мена...

Иза. Что ж, это в наши дни обыкновенно.

Муна (Фаю). Да розу не забудь мою вернуть!

Иза (с ухмылкой). Вдруг да сгодится всё же как-нибудь...

Фай, прицепив паука себе на грудь, бросает розу Муне

в ноги и, ликуя, выпрыгивает в окно.

Иза (о Муне). Что натворила... Кабы раньше знать,

сожгла б её я чёртову тетрадь!

Не видит мать, в гробу б перевернулась!

Младенцу ровня разумом, рехнулась!

Великий грех перекроила в смех!

Любовью, ишь ты, наделяет всех

с душою чёрта! Ну, здесь и дела...

Когда бы ни дитя, давно б ушла!

Прикинулась тут добренькой! Устала...

Хороших розг ей в детстве не хватало!

А золото и дом я заслужила,

кручусь тут, все повыдернула жилы...

Муна (поднимает розу). И не поблекла... Надо же, верну-

лась.

Как будто солнце среди ночи улыбнулось!

(Розе, прижимая её к сердцу.)

Так помоги же мне себя найти!

Иза. Глянь, будто приросла у ней к груди!

Всемилоств Господь и к самым-самым...

(Распахивает окно.)

Ну, вот и кончились комедия и драма.

Пора проветрить...

Муна за спиной Изы теряет сознание и падает. На сцену из зрительного зала бежит Флу, сталкивается по дороге с Фаем. Фай при виде Флу подпрыгивает и взвизгивает от ужаса, но миновав его, тут же успокаивается и, насвистывая, вразвалку направляется дальше.

Иза (заметив Флу). Ба! Да вот и Флу

летит сюда, не чуя ног в пылу!

Один, похоже... Где ж его «упряжка»?

И как вздыхает, как пыхтит бедняжка!

И кто же гордеца так напугал?

Флу (упав подле Муны на колени, потрясает над ней её запиской).

Жива моя любовь? Не опоздал?

Я тут едва прочёл, земля качнулась!

О, Муна, как ты странно улыбнулась...

Ты не шутила, нет? Всё так и есть?

Муна (придя в себя, Флу). Ты плачешь? Вот она, благая

весть!

А мне уже совсем чуть-чуть осталось...

Всё выпила, чтоб слабым не досталось!

Не дал Господь... (Грозит уходящему Фаю. Фай, обернувшись, строит ей нос.)

Песчинка я, и всё ж

вдогонку нечисти уж послан острый нож

раскаянья, пусть позднего... (Вскидывает руку к небесам.) Господь,

прими мою униженную плоть,

сознания хаоса истерзанную душу...

И боле уж покой твой не нарушу

мольбами...

(Уже к Флу, пошарив перед собой рукой.)

Я не вижу... Где ты?

Флу (берёт её за руку). Здесь.

Как хороша... Не можно глаз отвести!

Муна. Уже ли Муна то была, иль сон жестокий?

О, Господи, как тяжелы уроки

твои. Но не понять себя без них!

Как долго тянется прощанья горький миг...

Флу. Любовь моя, не уходи, я буду...

Муна. Всё тем же – чья-то боль, тоска, остуда...

Флу. Пойми же ты! Я сам себе не рад,

но, если бы нечаянно назад

вернулось всё...

Муна. Да разве ж я хотела
тебе неволи? Как бы я умело
чёлн творчества вела в челне любви,
не руша вздохом ценности твои!
Поверь, твой жемчуг, хладный, неживой
я б сделала навек своей судьбой,
как воссиял бы... Только бы коснуться,
припасть к груди твоей и улыбнуться
вселенной, прикорнувшей под рукой...
Сверху на Муну проливается мерцающий свет.
А вот и свет, тот самый, золотой!

(Уже к Небесам.)

О, Милосердный, ты меня простил и за...

(Падает замертво.)

Иза. Всё кончено. Лишь светлая слеза
у ней из глаза мне на руку льётся...

Без исповеди?.. (Уже к Флу.) Вы... И вам зачтётся!

Флу. Мне уж зачлось. Я на Земле – один!

Никто. Ничто... Всего лишь третий клин,
что выбил Муну в мир иной до срока!

Настанет миг, и жизни сей морока
оставит и меня. Как холодно... К чему же
ещё здесь – солнце, танец струй и свет,
и ветер с травами полуденными дружен,
коль нет любви самой, коль Муны нет?!

Мир без отчаянья, нелепости, ошибок

души мятущейся — лишь мраморная глыба,
пока в руках влюблённого резец
не оживит её, не вынет, наконец,
из камня мёртвого — дитя, цветок иль птицу,
иль женщину, способную молиться
за каждого, и каждому в горсти,
любой ценой — ценою страшною... — нести
любовь, безумие безумьем сокрушая!
О, Муна, — мать, жена, сестра родная,
прости! И за собой води меня (хватается за сердце)
в бессмертие...

Иза. Огня сюда, огня!

Флу умирает у ног Муны. На сцену вбегают чёрные и белые, в танце ведут меж собой сражение, поочерёдно тесня друг друга. Наконец, белые вытесняют чёрных и, полуобняв, окружают поверженных Муну и Флу. Медленно темнеет. Пауза.

Вспыхивает яркий свет. Все недостающие актёры с громким смехом, взявшись за руки, выбегают на сцену.

Иза (наклонившись над Флу). Спектакль окончен, поднимайтесь, Флу,

и слёзы бутафорские утрите.

Трагедий не приемлет нынче зритель
и, уходя, прольёт на нас хулу!

Тем более, взгляните, все здесь живы!

(Похлопывает Флу по плечу.)

И также неприступны и спесивы.

(Флу нехотя встаёт.)

Муна (оживая). Как, наконец, легко вздохнула грудь!

Фай (Муне). Не рано ли?

Муна (Фаю). Изыди!

Иза (к зрителям). В чём же суть?

А суть, мой зритель, право же, она

так сразу и не каждому видна.

Что пьеса?... Лишь пародия, не боле:

всё те же чувства, страсти, те же роли...

Но, вслед за автором пройдя тернистый путь,

способна лишь она, шутя, вернуть

к началу без особого труда

все пешки, что ходили не туда...

Конец.

Занавес.

АВТОБУС НА КИРОВ

Любовный траги-фарс в двух действиях

Действующие лица:

Мария – 39 лет, бывшая балерина, худа, прозрачна.

Николай (муж Марии) – 45 лет, в очках, интеллигентный, щуплый, болезненный.

Настя (дочь Марии) – 19 лет, сильно накрашена, безвкусно одета.

Пётр (сын Марии) – 20 лет, качёк, в цепях, с цветным гребнем волос.

Посланница – 40 лет, невыразительной внешности.

Посланник – 52 года, полноват, лысоват.

Постоялец – 45 лет, крупный, сильный, грубый, но по-детски искренний и увствительный.

Действие первое

Картина первая

2004 год. Зима. Идёт снег. Справа угол кирпичного дома. Входная дверь прямо с улицы. Слева, в самом дальнем углу сцены, белый автобус, без огней, уже изрядно заметённый снегом. Над ним столб с горящим прожектором. Прожектор

светит на дверь дома. Дверь распахивается. На снег вытаскивают босую, в ночной рубашке Марию.

Мария (поднимает руки к небу). Господи! Что же ты делаешь, Господи? Говоришь, по силам даёшь? Нет... Руки наложить на себя и то нельзя! Как они, дурачье несчастное, без меня будут? Как, Господи?!

Дверь дома распахивается.

Николай (пьяный в стельку). Проси, проси... Я вот допросился... Ни хрена у меня нету! (Выворачивает карманы.) Не заработал у Боженки! (Смотрит вверх.) В пекло Чернобыльское полез, для народа старался, а не заработал?.. Сдыхаю теперь! Никому не нужен! (Марии.) А ты ещё и выпить не даёшь больному человеку! Посуду она, видите ли, в первой позиции моет... (Выворачивает ступни, падает на четвереньки.) Иди отсюда, брысь, Одетта! (Поднимается, держась за косяк.) Дай мне с детьми посидеть по-человечески! (Топаёт ногой.)

Мария. Ты же пьяный...

Николай. А пьяного они меня лучше понимают! (Заглядывает в проём двери.)

Сынуля, пьяный пьяному – кто?

Пётр (из двери). Друг товарищ и брат!

Николай (Марии). Ну, слышишь? (Намеревается войти в дом.) А ты проси, проси... У него допросишься! Такого ещё допросишься... (Оборачивается.) Я, как уж совсем –

в петлю от всего этого, погляжу вверх и спрашиваю: «Это ты там? Это ты опять?..» Так он хоть бы ответил когда! Молчком бьёт! (С ухмылкой.) По вере и даётся?.. (Пьяно икает.) Что ж ты на снегу-то опять босиком? Или, кого больше любит, того до смерти и голубит?!

Настя (выглядывая в проём двери). Ты ж у нас – такая... Известная, заслуженная, вся из себя... Это мы – дерьмо!

Пётр (бросает Марии одеяло). Ноги застудишь, «па-де-де»... (Допивает пиво, бросает на снег бутылку.) Иди в дом уже! Нечего выпендриваться!

Николай (заталкивает детей в дом). Пусть проветрится! Ей полезно! А то лезет ко всем, лезет... Жить не даёт!

Мария. Я вам умереть не даю. Я же люблю вас всех! Это время вас такими сделало, изломало совсем. Кончится же оно когда-нибудь, и всё будет по старому, по-хорошему. Только бы дожить! Только бы додержать вас тут живыми...

Николай. Ну вот, опять – за своё...

Настя (Марии). Да пошла, ты! (Петру.) Петь, иди, разливай...

Николай уходит в дом, захлопывает за собой дверь.

Мария. Глупые... И чего на меня злиться-то? Я ж не виновата, что у вас ни работы, ни денег... Учёбу побросали: «Деньги надо делать, деньги, пока рынки не расхватали...» Вот тебе и деньги! В эту кашу лезть, надо – характер звериный, и совести не иметь —воровать да убивать... Так этого

и врагу не пожелаешь! А у кого душа есть, тому только – с протянутой рукой! (Кутается в одеяло, стучит в дверь.) Пустите! Замёрзну, пропадёте совсем! (Садится на ступеньки, смотрит вверх.) Есть ты там? Или нет тебя?! Что ж ты с нами делаешь-то? Молчишь? Худо здесь всем, ой, худо... (Кутается в одеяло, кашляет, начинает засыпать.)

Посланница. (подходит к Марии). Что ж вы тут сидите? Побелели-то! Вам домой надо!

Мария.. Нет у меня дома.

Посланница. Точно нету? Мария. Нет.

Посланница. Тогда – лучше на автовокзал, здесь совсем недалеко. Там хоть тепло! (Помогает Марии подняться.) Вон туда, где прожектор светит! Идите, идите... На вас уже лица нет!

Мария бредёт на другой конец сцены. Подходит к автобусу. В нём вспыхивает свет. Ярko освещена надпись над лобовым стеклом «На Киров». Звучит музыка. По ступенькам автобуса спускается водитель (Посланник). На его плечи наброшена белая куртка, рукава торчат в стороны – как крылья.

Посланник (Марии). А вот и наша пассажирка пришла, можно и отправляться.

Мария. Куда?

Посланник. А разве вам не всё равно?

Мария. Да, конечно... (Устремляет взгляд к небу.) Нет сил так жить... Пусть меня обманут, унизят, убьют, наконец,

лишь бы всё это кончилось...

Посланник (Марии). Вы будете садиться?

Мария поднимается по ступенькам. Меркнет свет. Освещено только её лицо в окне. Сцена делает круг за кругом. Фары автобуса высвечивают летящий снег и мерцающие тени.

Картина вторая

Мария выходит из автобуса возле дверей маленькой районной гостиницы. На первом этаже гостиницы – кафе.

Посланник (Марии). Вот вы и на месте!

Мария стучится. Дверь открывает Посланница, в белом фартуке буфетчицы.

Посланница. Как доехали? Не трясло?

Мария. Спасибо, хорошо. Посланница. Входите, чайку горячего попьём. Вы ведь замёрзли?

Мария. Ничего не чувствую. Всё, как не моё, даже сердце.

Посланница. Так бывает. (Идёт за стойку, наливает Марии чаю). Грейтесь!

Мария садится за столик. Обжигаясь, пьёт чай, грея о чашку руки, прячет босые ноги под столом.

Посланница (кладёт на стойку бара большой пакет). Это вам. Идите-ка вон туда, за вешалку, переоденьтесь. Нельзя же в таком виде...

Мария возвращается уже в белом лёгком платье и серебряных туфлях.

Посланница. Совсем другое дело! (Открывает бутылку шампанского. Даёт кому-то команду.) Начали!

Постоялец (зевая, входит в бар, направляется к Посланнице). А вы и по ночам работаете?

Посланница (кивает на Марию). Нет. Сегодня экстренный случай.

Постоялец (подходит к столику Марии). Можно? (садится рядом, зачарованно смотрит на неё). А я вас, кажется, уже люблю...

Мария. Так не бывает.

Посланница (расставляя перед ними закуски). Здесь всё бывает. Каждому, кто просит, даётся шанс.

Мария (Постояльцу). А вы что-нибудь просили?

Постоялец. Ничего.

Мария. Совсем?

Постоялец. Откуда вы здесь, такая? Вы похожи... на лунный свет!

Мария. Значит, я с Луны.

Постоялец. Откуда же тогда я?

Мария. Вы тоже с Луны. (Посланнице.) Здесь все с неё, правда?

Посланница. Сегодня, да.

Мария и Постоялец пьют шампанское, глядя друг другу в глаза. Входит водитель (Посланник).

Посланник (Посланище). Ну, как тут у вас?

Посланища. Кажется, поехало... (Кивает на Марию и Постояльца.)

Посланник. Ну, тогда и нам можно! Пошли погреемся?.. Посланник и, обнявшись, уходят.

Постоялец (Марии). Вы сами-то хоть знаете, что просто немыслимо красивы?!

Мария. Правда? Я как-то не замечала... С тех пор как сошла со сцены, хожу, глаза опустив.

Постоялец. Вы актриса?

Мария. Всего лишь бывшая балерина.

Постоялец. Такая грустная... Такая красивая, и такая – искренняя! Да вы себе просто цены не знаете!

Мария. А вы себе?

Постоялец. Я про себя всё знаю. Вернее знал, пока вас тут не встретил... Я тут уже целую неделю, в командировке.

Посланища (вернувшись за стойку, шёпотом в зал). Из одного города он с ней и даже с одного двора! (Марии.) Помнишь, домишко напротив вашей трёхэтажки? Окно с резными наличниками, которое по ночам всегда горит? Так это – его! Сколько ты слёз при свете этого окошка выплакала. А ведь всего-то – дорогу перейти! (В зал.) Да кто её теперь переходит-то? Вот и у них – дома-то напротив, а подъезды в разные стороны глядят. (Вздыхнув, уходит.)

Постоялец (Марии). Намотался я за день, спал, как убитый. И вдруг – сон! Не помню, что там в начале было...

А в конце – женщина, босиком, на снегу. И не в пальто, не в куртке, а почему-то в одеяло кутается. Представляете, босиком и в одеяле! Мне её так жалко стало, захотелось подойти, обнять... И тут – проснулся. Духота в номере, невыносимая! Вышел в коридор, – свет, музыка! Заглянул сюда, и вдруг – вы!

Мария. Мне уже давно ничего не снится. Я почти не сплю.

Постоялец. А что же вы по ночам делаете?

Мария. Мебель двигаю...

Постоялец. Какую?

Мария. Живую...

Постоялец. Это как?

Мария. Да пошутила я... Со мной бывает. Всё шучу да смеюсь. А все вокруг плачут. И, хоть убей, со мной смеяться не хотят! Всё-то им чего-то не хватает... Всё-то им что-то нужно. А что? Жизнь ведь у них есть! Чего же ещё? Не понимают.

Постоялец. И я тоже... Работа у меня – куда пошлют. Дёргают за верёвочки, как петрушку деревянного, а я по инерции ножками – дрыг-дрыг... Убегаюсь вусмерть, сяду к ночи фигурки свои вырезать, и, вроде, смысл какой-то во всём проклёвывается. Зверушек я из липы вырезаю, человечков всяких...

Мария. Правда?.. А моё назначение – любить! И ещё служить тем, кого любишь. Если, конечно...

Постоялец. Вас кто-то обидел?

Мария. Да нет... Разве они могут меня обидеть? Большие уж вымахали, а ещё несмышлёные. И муж тоже... Ведь любит меня, я знаю. Только уж больно плохо ему, вот и воюет! Высосали его на службе, как муху, и бросили! Доживай, мол, теперь как знаешь. А он ведь за всех – туда, в Припятъ! Всё здоровье там оставил! Стонет теперь по ночам, всё-то у него болит. Не нужен теперь никому... А он ведь у меня – умный, не может без своей работы. Вот и пьёт. Совсем облик человеческий потерял! И эти, неразумные, – с ним... Будто в пропасть бездонную летят! А рук не подставишь...

Посланница (входит). Ну вот! На минуту нельзя оставить! (Подходит к Марии и Постояльцу, стирая память, проводит у обоих ладонью перед глазами и возвращается за стойку.) Водитель (Посланник), насвистывая, уходит. Громко хлопает входная дверь. Мария вздрагивает.

Постоялец (Марии, потирая лоб). Вы знаете, что невозможно красивы, немыслимо красивы?!

Мария. Правда? А я этого как-то не замечала. Хожу всегда, глаза опустив.

Постоялец. Странно, красивая, и такая искренняя!

Да вы себе цены не знаете!

Мария. Может быть. Никак не вспомню... Вы мне кого-то напоминаете, кажется, очень, очень близкого! С вами, так славно, так легко.

Посланница (из-за стойки). Да мужа твоего он тебе и напоминает, только в молодости! Когда букетно-конфетная

фаза в отношениях идёт, они все у нас – прынцы!

Постоялец (Марии). Так хочется до вас дотронуться... Боюсь, что наступит утро, и вы исчезнете, растаете, как лунный свет.

Музыка звучит громче. Постоялец приглашает Марию на танец. Гаснет верхний свет. Горит только настольная лампа на стойке бара.

Посланница. Утро ещё не скоро наступит. Эта ночь должна быть долгой! Очень долгой... Когда люди встречаются друг друга на Земле, им нужна долгая ночь... Ночь, которая не кончается всю жизнь. (Берёт со стойки лампу и уходит.) Сцена поворачивается в темноте. Тикают часы, бьют двенадцать раз.

Занавес.

Картина третья

Дом постояльца. На улице, возле крыльца скамейка и пара кустов. В комнате, слева, перед выходом на крыльцо, пара шкафов и табуретка. Вдоль шкафов длинный домотканый коврик. Справа широкая современная кровать, торцом к зрителю. За ней окно без штор. В углу, у окна, зажжённый камин и ещё одна табуретка. Чуть поодаль белеет холодильник. Постоялец и Мария в постели.

Постоялец. Вот уже целых два года отстукало, как ты тогда от меня упорхнула. А я-то, дурак, такой счастливый был, такой... Просто петь хотелось! Домой с работы мчался, как угорелый! Кур этих с базы ящиками таскал...

Мария. Разве в курах дело?.. Разные мы с тобой!

Постоялец. И ничего ведь не замечал...

Мария. Не хотел замечать.

Постоялец. Всё! Не отпущу больше, отбегалась! Ты, когда улетела тогда, всё здесь в ад превратила. Меня как поджаривало... Все игрушки свои в камине спалил!

Мария. Жалко...

Постоялец. Всё думал, как ты могла? Почему? Что я не так делал? И ещё ревновал
очень к твоему очкастому!

Мария. Нашёл к кому. В нём еле душа держится! Слава Богу, успела тогда...

Постоялец. Опять?.. Ни душу твою, ни тело не отдам ему больше! Что не так меж нами было – поправим. Тебе теперь со мной хорошо будет, я всё для тебя сделаю!

Мария. Знаю. Но...

Постоялец. Плохо знаешь! Я тогда просто в себя прийти не успел. Обогрелся, раскис, бдительность потерял! Любовь, любовь... Пил её, как запойный! А ты вдруг – фрр... И нету! Я только тут и опомнился, стал мысленно назад гонять всё наше «кино»...

Мария. Вот точно – кино!

Постоялец. Не цепляйся к словам! Я же люблю тебя! И ты меня любишь... Ведь любишь? Главное, не бойся!

Мария. Я давно уже ничего не боюсь. Хуже, чем было у меня, ведь уже не будет?

Постоялец (садится на край постели, закуривает.) Это ты о своих?.. Что ж... Мы, крепкие да разумные, и то ломаемся! Время такое...

Мария. Нет! Я поняла, не время... Мы – такие! Слабые, безвольные... Что хочешь с нами делай!

Постоялец. И делают...

Мария. Если б можно было отдать ребятам всё своё, лучшее!

Постоялец. А их худшее себе забрать? Слишком много ты на себя брала, вот им мало и досталось, ты главному их не научила – жить!

Мария. Скажи лучше – выживать...

Постоялец. А и выживать тоже. Чтобы и они лямку по-сильную тянули.

Мария. Своих не завёл, а меня учишь...

Постоялец. Тебя ждал!

Мария (садится рядом). Заставишь их лямку тянуть... У них один резон – «Совесть нашему поколению не по карману!»

Постоялец. Совесть, говоришь... (Сделав пару затяжек, смахивает пепел на пол.) Ты вот, счастлива, хоть сейчас?

Мария. Да, наверно.

Постоялец. А с совестью как?

Мария. Не надо, пожалуйста...

Постоялец. Ну вот! Так чему мы их научить можем? Совесть, она, или есть, или нет её!

Мария. Или мечется туда-сюда, как затравленная... (Вздохнув, отворачивается.)

Постоялец. Ну, это уже частный случай. Я вот, уж люблю, так – люблю! А твой тебя? А ты его?.. Совесть, она, как хирург, – чик, и сразу легче! Когда родители в любви живут, то и дети у них...

Мария. А у меня пока – день прошёл, живы, и, слава Богу. Ещё день, опять – слава! Так и живём, уж не знаю сколько...

Постоялец. Вот и выходи за меня, вместе их и вытащим!

Мария. Это за тебя-то, за «Голландца летучего»?

Постоялец. А, хоть и за него.

Мария. Нет, теперь их уж ни с кем не вытащишь... Выросли. Да и не навяжешь им своего, не авторитеты мы для них, сами-то что нажили? Ни ума, ни денег! А уж старость в спину дышит...

Постоялец. Ты это брось, ты у меня «бузина» та ещё... (Достаёт из-под постели, гитару.)

Мария. Да... В чужом огороде. Знаешь, как мне тошно, что ты меня так чисто, а я тебя... Сама ведь когда-то осуждала таких!

Постоялец. Каких?

Мария. По любовникам бегающих... И что со мной сдела-

лось? Как подменили! Вот тогда, в автобусе на Киров, и подменили... (Вскакивает, вскинув руки.) Представляешь, еду, еду... Гляжу в окно, а там вся Земля, будто скатерть белая расстелена... Далеко видно! И дороги, и речушки – бегут, текут подо льдом, будто в бесконечность куда-то! А горизонта вообще нет! Ни там, ни тут... Нигде. И домишек всяких – видимо-невидимо! И во всех – люди, такие же, как и мы с тобой, путанные-перепутанные... Ведь чувствовала, что берёт меня какая-то сила, а противиться не стала. Всё равно мне тогда было. Хоть в омут! Вот в него и угодила! Заломала меня совсем любовь наша. И люблю ведь...

Постоялец. То-то же!

Мария. А всё нечисто как-то на душе. Бегаю сюда, бегаю... И не бегать уже не могу!

Постоялец. Дурочка ты моя, грязной любви не бывает! Не уследил я... Вот и подмяло тебя опять семейство твоё непутёвое. Лежишь тут, вроде, и рядышком, а всё ещё слышу, как косточки твои бедные хрустят, перемалываются... Хватит, откорячила на них! (Ударяет по корпусу гитары.) Я тут кое-что, ещё, когда ты в бегах была, подобрал о нас парой аккордов. Слушай: «По понятиям живёшь, понимаю, у тебя большая семья, думал, я сирень заломаю, а она обломала меня».

Мария. Ну вот! (Отбирает у него гитару.) То сирень, то бузина – целый палисадник. Хорошо у тебя получается, только грубовато...

Постоялец. Ты из меня своего очкастого не сделаешь! Какой уж есть, такой и есть.

Мария. Не обижайся. Ну – хорошо же, правда! Только больно по блатному!

Постоялец. Что больно, это точно! (Пристукнув по обратной стороне гитары, быстро барабанит по ней пальцами.) Только когда болит, тогда и тянет повыть, да побренчать. Я ведь не на полный зал, как ты, а так, – для себя, для тебя, да для дружков своих, гаражных, под красненькую.

Мария. Шутишь всё, дурачок... (Сбегав к холодильнику, возвращается с пакетом молока, наливает ему полную кружку.) Ты прости, но я всё о том же... Говорят, что хоть на Страшном суде – мне ответ только за себя держать, а не с ребятнёй вместе. Сил нет глядеть, как их выворачивает...

Постоялец. Да уж... (Опорожнив кружку, вытирает молочные усы.) Там под мамкину юбку не спрячутся!

Мария. А ты и рад!

Солнце высвечивает окно, и две ветки в инее начинают постукивать по стеклу.

Мария (глядя на них). Как руки мои... К Богу хотят достучаться. Да теперь – где уж? Ведь венчанная я! (Отбирает у Постояльца кружку и, опрокинув её над собой, ловит последнюю каплю.) Теперь уж все мысли твои потаённые знать буду. До сих пор так тебя и не знаю. Ты там, в Кирове, мне совсем другим показался.

Постоялец. Принцем, что ли, под алыми парусами?

Мария. Почти.

Постоялец. А я не принц, я – мужик, работяга. Драчун ещё, иногда. Но женщин не бью, как твой! Я с ними другое делаю... (Притягивает Марию к себе и заваливает на постель.)

Мария. Хватит уже. Скоро мой с работы придёт, а я тут всё прохлаждаюсь...

Входит Николай. Стоит перед шкафами у входа в комнату так, что Мария и

Постоялец его не видят. Он, явно, собирается учинить скандал.

Мария (Постояльцу, вырываясь). Как пригвоздил! Да нет, сколько раз уже думала, что пригвоздил, а всё возвращаюсь к «своему разбитому корыту», патологическая тяга у нашего бабья к нему, проклятому... Веками воспитывалась! Тянет меня домой, и всё тут!

Николай садится на табурет, со стоном стискивает голову в ладонях.

Постоялец (Марии). Я тебя понимаю, ты у нас балетная, тонкая! А я – грубый, неотёсанный. Но ты не бойся меня, пальцем никогда не трону! Это я с другими нехорошим бываю. Достали меня эти, другие... Вот и вырезаю куколок! От людей вообще надо подальше держаться, особенно счастливым. Знаешь, я тебя так невыносимо люблю, просто – одержание какое-то! Убил бы всех, кто руки к тебе протяги-

вает!

Николай вскакивает, делает несколько шагов вдоль шкафов и снова возвращается на своё место.

Постоялец. Да нет, не убил бы... Чем я лучше? Такой же! Это я размяк, как сухарь в кипятке, когда мне любовь эту подкинули. Раньше бешеным был! Сам себя боялся... Отец у меня такой же был, бешеный. Достанет его, бывало, бабка, материна мать: «Тебе, зятёк, всего – пятьдесят пять, а ноги-то у тебя – гнилые, гнилые... А мне семьдесят два, а нога-то подо мной какова!» И высовывает из-под засаленного халата свою тощую синюшную ногу. Он ей, конечно: «Ведьма! Ведьма!» А она: «Заткнулся бы ты, беспортошный! Здеся всё моё! И дом, и усадьба, и даже пианино это мне ещё от матери досталось!». А батя мой приползёт с работы, еле живой, ноги у него после войны прихватывало, и ну, это пианино подымать, да из окошка выкидывать! Кряхтит, жилы рвёт... А мать бегаёт вокруг: «Толя, Толечка! Я помогу... Давай вместе! Тебе ж нельзя, миленький!» Любила его очень...

Мария. Порода у вас такая, на любовь щедрая. Любить не каждому дано. Это у тебя – талант!

Николай вскакивает с табурета и выбегает за дверь.

Постоялец. Ага... От моих, по наследству! Оттого и терпение у меня на твои фокусы – прямо, лютое! Сколько лет тебя ждал... Знаешь, кажется, всё стерплю, всё вынесу! Даже если уйдёшь опять, и вообще никогда не вернёшься, ждать

буду, как проклятый! Нужен я тебе! Такие, как ты, разве ж тут выживут? Помнишь, старообрядцы в яму тебя посадить хотели... Мол, твои молитвы быстрее туда (Тычет пальцем вверх.) дойдут! Они ведь правы были. И, если б не встретились мы, так и сидела б ты там и зимой и летом – в платке под булавку!

Мария. За народ можно и посидеть! (Обхватывает его за шею.) Если бы хоть одному помогло, с радостью б всю жизнь сидела! А то – конец света на Руси, и всё тут. Стариков да детей обидели, больных да убогих...

Постоялец. В депутаты б тебе!

Мария. Смеёшься всё?.. Жалко всех, и своих, и чужих! Вот, ведь и обижают меня мои, а я б за них...

Постоялец. Вот-вот... Такую, только круглый дурак и не обидит. Да и тот, отойдёт у тебя под крылышком, обогреется, и, проворней самого умного, на твою же шею и вскарабкается!

Мария. Учи, учи меня, заступничек. Вот и мой меня так же учит. Только он уж и зубами поскрипывает! Правы вы оба, извела я и себя и вас своей нерешительностью...

Постоялец. Угу, «мучаю, вас, мучаю, ноги об вас вытираю...». Твой-то раньше сам об тебя вытирал, а теперь опомнился, пить бросил, по следу как собака рыщет...

Мария. Не надо так... Мы с ним раньше хорошо жили, пока всё это не началось.

Постоялец. У всех началось, а в одеялке по снегу ты одна

сигала!

Мария. Я и теперь – туда-сюда, туда-сюда! Прямо, как солдаты с полной выкладкой! Там – щи, тут – щи! Там – стирка, тут – постирушка... Замоталась совсем. И вы

тоже – всё терпите, терпите... Думаешь он ничего не знает? Знает, наверняка! Когда любишь, всегда знаешь. И хоть бы один, взял, да сам меня и бросил! Слабо, да?! Меня загнали, и сами оба на ладан дышите! (Со стоном оглядывается на икону в углу.) Не слушай меня, Господи, дура я!

Постоялец. Да тише, ты, тише... (Прижимает её к себе.) Всё! Не могу больше...

Сцена поворачивается.

Крыльцо Постояльца. На ступеньках курит Николай. На скамейке сидят, нахохлившись, Пётр и Настя.

Занавес.

Действие второе

Крыльцо Постояльца. Николай, Настя и Пётр – на скамейке.

Николай (детям). А что, если и вправду ей с ним лучше будет? Может, домой пойдём?

Настя. Нет уж! Я без мамки отсюда ни ногой! Надо её на-совсем забрать! Она думает, мы не знаем, куда она бежит...

Пётр. Вчера с моей и ему майку стирала, и носки ещё.

Николай. Заездили мы её совсем...

Настя (Николаю). Это ты её тогда нагишом выгнал!
А у меня, между прочим, скоро ребёнок будет...

Николай скрипит зубами.

Пётр. Мы, дураки, искать-то её только через неделю начали. Всё думали – куда она денется?! Кому она нужна?

Настя. А вот, нужна оказалась! Он ей кольцо с бриллиантом купил, аж за шесть

тысяч! Мне Женька из магазина сказала.

Николай. При чём тут шесть тысяч?.. Шли бы вы домой! Я тут сам разберусь. Прилипла она к нему! Сердцем прикипела! Мы ведь с ней – как?.. А он обогрел, в дом пустил... Он ведь тоже её семьёй стал! Попробуй-ка, по живому – разорви! Иди, Петя, иди, я тебе сказал! А то ещё напортачишь тут! И ты топай домой, беременная, я с тобой ещё разберусь!

Дети, нехотя, уходят. Николай входит в дом. Сцена поворачивается, показывая Марию и Постояльца.

Постоялец (Марии). Ты хоть за меня-то не бойся! Я с собой ничего не сделаю. Не будет на тебе греха, обещаю. Я ведь жизнь люблю! И такую. Всякую. Знаешь, как мне хреново было, когда ты, после бегства своего, по полгода пряталась?.. Потом хоть сниться начала. Ага, и вчера снилась. Проснулся весь мокрый от слёз, руку протянул, нету тебя! Всё время жду: засыпаю, ещё жду. Просыпаюсь, уже жду, даже во сне! Пять лет уж...

Мария. Юбилей. (Глубоко вздохнув, прикрывает глаза.)

Постоялец. Не вздыхай, даю тебе ещё месяц, до сентября, и – собирай чемодан! Или, не надо! Вот так, как есть, и оставайся, без ничего, в простыне! Не отпуска больше!

Мария. Да не мучай ты меня! Дал бы хоть немного оттаять, порадоваться... Думаешь легко день и ночь выбирать, кого из вас зарубить?!

Николай опять вскакивает и начинает быстро ходить вдоль шкафов туда-сюда.

Постоялец. Разве можно зарубить, кого любишь? (Взяв за подбородок, целует её в губы.)

Мария (упрямо тряхнув головой). Можно. Я всё время это делаю: то тебя, то его! Легче умереть... Иногда думаю: вот остаться бы совсем одной, взобраться на неприступную гору, а вокруг чтобы – ров, и крокодилы плавали! И чтобы никто-никто уже никогда ко мне со своей любовью не долез!

Постоялец. Тогда я крокодилом стану! Отращу себе крылышки и – шлёп, шлёп по воздуху...

Мария. И там достанешь?

Постоялец. Везде.

Мария (спрыгивает с кровати). Попробуй! (Бегает по комнате, делая прыжки и пируэты. Постоялец её догоняет. Они проносятся по коридору мимо прижавшегося к шкафу Николая, не замечая его. Целуются. Наконец, снова падают в кровать.)

Мария. Устала... И что вы со мной делаете? Умру как-нибудь, по дороге...

Постоялец. Это не мы, это – ты сама! Это доброта твоя тебя мучает. Патологическая, катастрофическая... Всех-то тебе жалко. Всем-то ты должна! (Легко отжавшись на руках, придавливает её всем весом.) Это, чтоб не улетела! (Заглядывает в глаза.) Ты вообще, умеешь говорить «нет»?

Мария. Вот сейчаси попробую! (Пытается выбраться из-под него.) Ох, и Агрессор ты! (Вдруг, вывернувшись, обхватывает его за шею и сама взбирается на него.) Ох, и дура я!

Постоялец. Наконец-то! Всю жизнь такой дуры дожидался, чтобы всю кровушку из меня повыпила, всю кровушку...

Николай опрометью выбегает вон. За окном обрушивается ливень. Сцена опять поворачивается. Николай уже – на скамейке, сидит, стиснув голову. К нему подходят Посланник и Посланница, переодетые бомжами.

Николай (со стоном). Это вы опять?.. Чего так вырядились-то? Вы же обещали...

Посланница (Николаю). Дай закурить. Что, тяжело?

Николай (даёт ей закурить). Не то слово!

Посланница (Николаю). Иди домой! Нечего тебе здесь стоять. Нехорошо это...

Посланник. Иди, домом займись! У женщины дом должен быть, прочный, тёплый надёжный! Тогда она в него и вернётся.

Николай. А как же он? (Кивает на дом Постояльца.)

Посланница. Он – постоялец. У него даже имени нет. Это, вроде, как и не было ничего... Так, – урок тебе!

Николай. Правда?

Посланник. Ему тоже был дан шанс.

Посланница. Иди, иди к своим и жди.

Николай. А сколько?

Посланник. Это, как у них там (Кивает на дом Постояльца.) получится. Может, – год, а, может, и час.

Поворот сцены.

Мария (откинувшись на подушку). Всё время не понимаю, почему сердце к тебе волоком тащит, а ноги не идут? Бегу, было, от тебя, бегу, и всё – на месте! Вот только теперь поняла! Не вольна я в себе. Подчинилась тогда, сдалась, вот и не отпускают!

Постоялец. Ну ты даёшь, приехали... А любовь?

Мария. И любовь... Иногда, кажется, что бегу к тебе только потому, что за любовь твою великую, необычайную тебе должна!

Постоялец. Это ты врёшь! Ничего ты мне не должна. И вообще, никто никому ничего не должен! Если только детям да старикам своим. Тебе сколько лет, горе ты моё?

Мария. Да уже ого-го, с хвостиком.

Постоялец. А уважать себя так и не научилась?! Нельзя же каждому, кто «люблю» скажет, под ноги стелиться!

Мария. И тебе тоже?

Постоялец. И мне. Ох, и путаница ты...

Мария. Будешь путаницей... Ведь любовь это – чудо великое, её всю жизнь ждут, за неё смерть принимают! Как же

я его или твою – пинками?! Жить не хочется...

Постоялец (лукаво). Совсем? (Глядя в потолок, будто невзначай, кладёт ей руку на живот.) Изголодался по тебе, как собака!

Мария. Ненасытный! Последние силёнки хочешь забрать? До дому ведь не дойду!

Постоялец. Ну, тогда хоть полежи рядом. (Набрасывает простынь ей на спину и поверх неё, замком, застёгивает кисти рук. В комнату заглядывает солнце.

Постоялец. Скорее бы ты решала: так или эдак! Не так уже много нам с тобой и осталось...

Мария. Ты опять? Ведь договорились же... Вот, не приду больше!

Постоялец. И не приходи. Сил никаких нет!

Мария. Ты же видишь, не уйти мне больше из дому! Хватит людей смешить! Вера Шахова, и та стрекозой обозвала, а раньше уважала, за советами прибегала.

Постоялец. А и, правда, ведь – стрекоза... Глаза – как блюда! (Сажает её себе на колени, укутывает одеялом.)

Мария. А тебе не холодно?

Постоялец. Нет, мне только жарко бывает. Я вообще, если б можно было, голым бы ходил!

Мария. Дикий ты! (Гладит его по ёжику волос.)

Постоялец. Угу...

Мария. А мне всегда холодно. Я жару люблю! Только вот уже лет семь на море не была.

Постоялец. Подавай на развод, и поедем! Выкрутим на бетонку, и – ходу, ходу!

Мария. Нет... Я уже всё решила, когда восвояси вернулась. И ничего уже не изменить, даже любовью нашей. Крест на полпути не бросают. Отпустил бы ты меня, не сбивал! Может, и тебе пошлют кого-нибудь...

Постоялец. Ты, что несёшь?! (Опять закуривает.)

Мария. Молчи! Знаю! Сама всё с землёй сравняла, побегала за тобой, как собачонка бездомная. И ведь только собачонкой этой у тебя и была... Разве не так?

Постоялец (поперхнувшись дымом, закашливается.) Ну, ты даёшь...

Мария (встаёт, отходит к окну, водит рукой по стеклу). А вернулась на руины родненькие – такая боль, такая жалость, вина такая... Кинулась в ноженьки, прощенья у благодерного своего попросила. А он и не ругал, не ударил даже, обнял, плачет. Худой такой, одни косточки остались, и говорит: «Это твой дом, как и мой, – наш! И сколько б ты не уходила, я всегда буду здесь ждать тебя, покуда жив, всегда, слышишь?» В общем, вернулась я, а он над дверью уж крюк приспособил и верёвочку крепкую. Сама видела! Подумай, какой грех бы на мне был?! Не пережила б я этого...

Постоялец. Шантажист он у тебя! Слабые, они – все шантажисты. Уж если так испугалась, что ж ты прибежала ко мне в больницу, как угорелая, ведь целый год носа не показывала?

Мария. Не смогла я, прости, не смогла! Позвонили, говорят, – лежит один, еле живой, никто к нему не ходит, и тумбочка у него пустая.

Постоялец. Эх ты, тумбочка... (Ломает сигарету пополам и в два щелчка забрасывает её обломки в дальний угол.)

Мария. А глянула, как лежишь ты на бочку весь изрезанный, опять – сердце долой! Свой ведь, родненький!

Постоялец. Гляди-ка, и сердце у неё, оказывается, есть, «родненький»... Все у тебя родненькие! Чуть не подох тогда, после бегства твоего. Спина отвалилась, а в магазин сходить некому, и до воды не доползти. Три дня песок сахарный из мешка лизал, как знал, возле постели поставил.

Мария. А я и не почувствовала... Подходит и, всхлипнув, прислоняется к его плечу.)

Постоялец. Где уж тебе?! Быт семейный налаживала, очастого своего жалела да обихаживала, не любишь ты меня!

Мария. Люблю...

Постоялец. А чего ж тогда?

Мария. Не знаю. Видно, так надо было. Подошла минуточка. Показалось мне, что придумал ты меня! Носишься со своей выдумкой, лелеешь её, а я, живая, с правдой ли, с дурью своей – будто в стороне! А ведь такое долго не живет. Разные мы совсем. Отпустил бы ты меня...

П о с т о я л е ц. Лети! Лежу вот – живой, тёплый... А ты всё – отпусти да отпусти! Отпущу, чем жить-то? Не я, сердце-зараза не отпускает! А я бы уж и рад, мука ты моя смерт-

ная! (Легко поднимает её над собой, целуя в нос, в уши, в глаза...)

Мария. И не вырваться. Синяки ведь будут!

Постоялец. Вот и хорошо! Пусть все знают – моё!

За окном темнеет.

Мария. Ой, который час? (Тянется за одеждой.)

Постоялец (Потерянно следя за её поспешными движениями, опять закуривает, но тут же гасит бычок в ладони.) Всё!

Мария. Ни минутки не осталось! (Будто оправдываясь, мимоходом чмокает его в нос.) Скоро мой с работы придёт... Не могу его обижать больше, не хочу, чтоб узнал! Как вернулась домой, он ведь опять на работу устроился, один за всех, еле живой, на завод ползает!

Постоялец. Жалко тебе его... А меня не жалко? Я так от тебя ребёночка хотел, тогда ещё, по зиме той...

Мария. Помню.

Постоялец. А давай, когда поженимся, в гости к нему ходить будем, или он к нам?

Мария. Вряд ли его потянет в гости к нам ходить. Он ведь тебя убить собирался!

Постоялец. Лучше б убил! Не любит он никого. И тебя не любит, и себя! Вот и дети у вас...

Мария. Не надо! Я их ни на кого не оставляла, всюду за собой таскала...

Постоялец. Вот и дотаскалась! Дома надо было сидеть, а не ножкой дрыгать! Пироги с картошкой печь! Дети – с кар-

тошкой любят.

Мария. Мои – с вареньем... И ведь послушными были у меня, как под скрепочкой...

Постоялец. Надо, чтобы не под скрепочкой, а – под сердцем!

Мария. Сколько же ещё надо сердца-то?

Постоялец. Сколько есть, столько и надо! Ничего, ещё одумаются. В настоящий возраст войдут, и одумаются.

Мария. Если живы останутся...

Постоялец. Останутся. Надо только верить и ждать.

Мария. Не могу я... В который раз уже – с нуля!

Постоялец. Ну, не с минуса же... Твоё ведь за тебя никто не доделает!

Мария. Наконец-то!

Постоялец. Подловила таки на слове! (Сграбастав её, он валится на спину и водружает Марию себе на грудь.)

Мария. Я тебя каблуками поцарапаю...

Постоялец. Вот тут и лежи! Тут никто не обидит.

Мария. Это я всех обижаю. Вот, умереть бы сейчас!

Постоялец. Я тебе умру! Что ж мне тогда, на могилку к тебе бегать? Время придёт, все умрём, по очереди...

Мария. Я тогда тебя страшно любить буду!

Постоялец. Когда помру? Ну, ты даёшь... А нельзя сейчас, ну, хоть чуточку? Ты-то – ещё молодуха, аж искры из-под копыт! Это я, когда по утрам бреюсь, на свою рожу смотреть не могу, старый уж чёрт...

Мария. И никакой ты не старый! Зубы вон – какие весёлые, и ёжик! Так... – мальчишка, за пятьдесят! Я, когда ты за рулём, до смерти боюсь! Носишься,

как «Летучий голландец»! Ну вот, скажи, можно себе представить «Летучего голландца», вьющего гнездо?

Постоялец. А что, плохо вью? Уже печь на камин переделал, скоро воду подведу... Доделаю всё, и цепями тебя здесь прикую. Ты ведь сама не знаешь, чего тебе надо. А я знаю! Хочу, чтобы всё твоё, теперь только моим было: и душа, и тело, и мысли, а моё – твоим.

Мария. Какой жадный! Я ещё в детстве, когда в лапту круговую играли, ни к тем, ни к другим не шла, топала ногой: «Я всехняя»! Вот и в балет пошла...

Постоялец. Ну, иди сюда, «всехняя»...

Мария (истовым шёпотом). Знаешь, ты не верь мне! Иногда даже забываю, что ты рядом, когда задумаюсь очень... Что же это за любовь такая? Может, и нет её вовсе?.. А приворожил ты меня своей, да так, что моей уже и не пробиться! Я ведь только, когда далеко от тебя, или долго не вижу, сохнуть начинаю... Не могу я как ты – до одури, до полусмерти! Раньше б, может, смогла, тогда, в юности. Так её ждала, любви этой! Спать боялась ложиться. Ещё день ушёл, ещё!

Постоялец. И ведь мы всё время рядом жили!

Мария. Я иногда мысленно хожу по нашему двору, тебя высматриваю, того, прежнего...

Мария. У тебя светлой курточки не было, на молниях?

Постоялец. Синяя. Мать пошла ко Дню рождения.

Мария (разочарованно). Нет, не синяя... Может, если б тогда встретились, ничего б и не было?

Постоялец. Нет! Я бы тебя сразу узнал! У тебя глаза... Собачьи. Столько в них...

Мария. Мне все говорят, что собачьи...

Постоялец. Посиди-ка тихонько. (Сажает её рядом.) Что-то опять бок прихватило... Знаешь, а я ведь из-за тебя боль полюбил. Правда! Ведь, когда больно очень, душа меньше ноет! Я, когда на последнюю операцию шёл, просил, чтобы без наркоза делали! Пока по живому резали, хоть чуть от любви этой отдохнул!

Мария. Бедный... А я боли боюсь! Так вот, живёшь без неё, живёшь... И вдруг – как выскочит, как выпрыгнет! Хорошо, хоть знаешь, что пройдёт когда-нибудь... Я думаю, боль – это и есть та самая дорога в мир иной!

Постоялец. Ну, мы-то – пока ещё в этом... И любим!

Мария. (Снимает пушинку с его брови, сдувает с ладони.) Знаешь, я иногда совсем забываю, где нахожусь, куда иду... А ты?

Постоялец. Нет... Я всегда знаю – куда и зачем. Как тебя увидел, сразу понял, что уже люблю! Правда, испугался очень... Всю жизнь ждал, и – вот она! Нарисовалась! (Вскидывает её на плечо и несёт к холодильнику, открывает дверцу.) Кормить тебя буду! Хочешь?

Мария. Нет, я уж – дома...

Постоялец. Тут твой дом, тут!

Мария, потупившись, смотрит в пол.

Постоялец. Тогда, хоть курицу возьми своим оглоедам!

Куда мне их пять штук?!

Мария. Ты же знаешь, что нет! (Сползает с его плеча на стул.) Зачем меня подни-маешь? Опять ведь заболит!

Постоялец. Может, я этого и добиваюсь... Всё, иди! (Ворча суёт ей в сумку курицу.) Всё равно некогда готовить. Да и не для кого! Тебя, дурынду, всю жизнь дожидался!

Мария (целуя его в плечо). Ну, не надо... Не надо! И почему, когда я с тобой, всё так ясно, а шагну за порог, и уже о доме думаю? Ведь на всём белом свете нет никого тебя лучше! Ты и ласковый, и добрый, и работающий...

Постоялец (горько усмехнувшись). Если бы за это любил... Вижу ведь, не любишь ты меня, а не могу отказаться. Тогда совсем – хана! (Пинает ногой дверцу

холодильника.) И чего ж ты от меня, такого ласкового да работающего бегаешь? Живи тут, хозяйничай! (Со слезами на глазах разводит руками.) Всё твоё!

Мария. Опять?.. (Схватив сумку, вскакивает, пытаюсь не встретиться с ним взглядом.) Пойду! Пора мне...

Постоялец. К эгоисту своему?

Мария. Ну, почему?.. Он – умный, глубокий, только слабый очень. Зато понимает меня, и я его. Мы иногда целыми ночами разговариваем...

Постоялец. Ночами другим заниматься надо! (Оседлав та-

буретку, стискивает её так, что она трещит.)

Мария. Я, когда к тебе убежала, ну, тогда... Всё плакала в подушку потихоньку, так его жалко было! Как представлю, что один он там, со всем этим... Бед нагородили вместе, а расхлёбывать ему одному? Так слёзы и подступали...

Постоялец. А по мне у тебя не подступали, когда я всю зиму здесь – на четвереньках... Воды подать некому! Вот и поднялся к весне, а врачи говорили – полгода, полгода...

Мария (скомкав шарф, прижимает его к глазам). Что ж это такое? Плыву по течению, плыву... Каюсь и грешу, каюсь и грешу!

Постоялец. Ладно уж тебе! Тысячи так живут... Собрала бы чемодан, и – не грешить, и не каяться!

Мария. Уж жизнь вместе прожили. Что ж ему опять корвалол глотать да у окошка меня выглядывать? Вот так вернусь когда-нибудь, а он уже и не живой...

Постоялец. А если я – не живой?

Мария. Ты сильный! Ты выдержишь. Я же тебя люблю...

Николай (вбегает, падает перед П о с т о я л ь ц е м на колени). Отпусти ты ее, ради Бога! Не видишь, совсем извелась! Надвое бабу рвём! Ты себе ещё найдёшь, а мне-то уж, сам знаешь, поздно! Недолго мне осталось... Да и беда у нас дома. Петра в милицию забрали!

Мария. Когда? За что?

Николай (Постояльцу). И Настя ещё... (Всхлипывает.) Ребёнка ждёт! Уйдёт Маша, что ж мне с ними?.. Отпусти! (Хва-

тает Постояльца за рубаху, плачет.)

Мария. Коля, Коленька! Родненький! (Обнимает мужа, пытается поднять с колен.) Да что ж ты так? Не надо! Пойдём домой! Я капусту на щи купила... (Помогает ему подняться и уводит за дверь. Возвращается уже одна и, сняв с пальца кольцо, кладёт его на табурет у входа.)

(Постояльцу.) Прости, сам видишь...

Постоялец (схватив её за руку). Маша...

Мария выбегает за дверь.

Постоялец ещё какое-то время стоит, прислонившись спиной к шкафу в позе распятого. Наконец, взяв кольцо, он, как был, в белой нижней рубахе и босиком, выходит из дома. Метёт снег. На скамье, у крыльца – бомжиха-Посланница, просит милостыню.

Постоялец (Посланнице). Куда своего-то дела?

Посланница. А куда вас всех девают?..

Постоялец. Небось с протянутой рукой саму Россию тут изображаешь?.. (Криво усмехается.) Так Марии нет, пожалуй некому! (Кладёт ей в ладонь кольцо, отвернувшись, бредёт к левой кулисе, где под прожектором его ждёт всё тот же белый автобус, читает табличку.) «На Киров» Надо же... В автобусе вспыхивает свет. Начинает звучать музыка. По ступеням из салона сходит всё тот же водитель (Посланник) в белой куртке.

Посланник. А вот и наш пассажир прибыл! Теперь можно и отправляться...

Занавес.

Конец.

ЧЕТЫРЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ

Народная пьеса в четырёх действиях

Действующие лица

Тамара – вдова 38ми лет, чёрная худая музыкантша, высосанная, как муха, нищетой и невезухой.

Соня (дочь Тамары) – 11 лет, такая же худая и чёрненькая.

Водород – 52 года, большой, рыхлый, с признаками былой силы, явно сидевший, лысоватый, большегубый, с выцветшими глазами навывкате, всегда в растянутых тренировочных и в толстовке с тёмными пятнами пота на спине и под мышками.

Вазелинщицы (разливают вазелин на заводе):

Натаха – под сорок, полная, добрая, с вертикальным лицом и такими же вертикальными глазами.

Верка – 35 лет, маленькая, смуглая, весёлая, певунья и плясунья.

Клавка – 35 лет, с мужским характером, хозяйка в своём дому.

Вадим (муж Клавки) – 32 года, не пропускающий ни одной юбки дальнобойщик, с характером, но пасует перед женой.

Николай (муж Натахи) – 45 лет, литератор с членским би-

летом, длинный, худой, с редкими сальными волосами, всегда жуёт.

Ромка (сын Натахи) – 22 года, брит наголо, в тельняшке, «не просыхает».

Филя (муж Верки) – 40 лет, вечно нудящий алкаш, бесплатное приложение.

Сулим – 40 лет, смуглый, коренастый, квадратный, но быстрый на ногу, скользкий и юркий, возникающий ниоткуда и уходящий в никуда – правая рука Автандила.

Палыч – 55 лет, «челнок», бывший конструктор маленького КБ.

Автандил – 52 года, тот, от кого лучше держаться подальше, в чёрном кожаном пальто, крупный, с седым ёжиком, перчатки не снимает, даже когда ест и пьёт.

Крутикова Мариетта Генриховна – 63 года, бывшая свекровь Тамары.

Мурзинов – 42 года, семейный, тихий, непьющий, вечно голодный. Ему всегда задерживают зарплату или не дают её вообще.

Мурзикова – его жена, того же возраста дама в потёртой шляпке, всегда с носовым платком наготове, вечно жалуется, перед всеми заискивает.

Элька (Элька-Плюм) – 27 лет, «валютная», ездит в Москву.

Охрана Автандила:

1 без лица.

2 без лица.

Девицы, подружки Ромки:

Чёрненькая.

Беленькая.

Старушки, ангелочки, алкоголики – антураж за открытым окном кухни.

Дети и младенец – голоса за открытым окном кухни.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ПЕРВОЕ

(Воскресение Тамары)

Действие происходит в небольшом городке в начале двадцатого века. Начало осени. Кухня двадцатиметровка в старой квартире на первом этаже, почти полуподвал. Два окна во двор. В окнах, на уровне голов ежевечерних завсегдатаев кухни – спустившие колёса брошенной легковушки, спины сидящих на скамейке старушек, в течение всего действия заглядывающих в окно, иногда встречающих в разговоры. За невероятно длинным столом вдоль окон сидят слева направо, лицом к зрителю: Тамара, Соня, Клавка, Вадим, Верка, Филя и Палыч в полушубке и шапке, Николай (на краю, спиной к подоконнику). Сама Натаха – в торце стола. По левую руку от неё – включённая газовая плита с самогонным аппаратом, тумбочка с уже полными бутылками и банками. На тумбочке – трёхлитровая банка. В неё капает самогон. Правее, под углом – входная дверь с портьерами. К двери, через всю сцену – длинный домотканый коврик. Слева – диван со спинкой, на нём в полу ниглиже – Элька (Плюм) в туфлях на высоченных каблуках, в обнимку с большой плюшевой собакой. Еще левее – старое трюмо и ширма, за которой спит Ромка, громко спит: орёт во сне, рычит, грохочет кроватью, поминает Афган. Водород и оба без лица – за столом,

спиной к залу, иногда в пол-оборота. Над столом плоская лампа с приклеенными к ней липучками. На подоконнике – магнитофон. В течение всего действия то стучат в окно, то звонят в дверь приходящие за самогоном. Натаха и Николай их обслуживают. Гости и хозяйка уже под хмельком. Элька сосёт шампанское из бутылки, лёжа на диване.

Натаха (идёт к Водород у со стаканом). Водородушка, за всех уже пили, один ты

и остался. Золотой ты мужик, самостоятельный, при деле, при деньгах. Вот ещё бабу бы тебе хорошую, да детишек парочку, и – кум королю и сват министру! (Спотыкается, проливая вино.) Дай-ка я тебя обниму, да поцелую покрепче! (Вытирает рот рукавом и наваливается на Водород а тяжёлыми грудями и огромным животом беременной на последнем месяце.)

Водород. Натаха, дурёха, дитёнка задавишь! (Целует её в макушку и отстраняет.)

Верка (нарезая огурцы). Ишь, какой заботливый пропадает! Мне б такого денежного да ласкового! Может, и Максимка мой узнал бы, что такое рука отцовская.

Филя (Верке). Вот и умная ты баба, а круглая дура. При живом муже сидит, и такое мелет!

Верка. А с тобой мели не мели, всё одно, муки не будет!

Клавка (Водороду). Женить тебя надо, Володь, да поскорее! А то вон – и лысина уж отсвечивает, и брюшко на ре-

мень свисает.

Водород выпивает стопку.

Клавка (подаёт Водород у на вилке увесистый ломоть красной рыбы). На, закуси хоть!

Водород. Ну, что ты, как тузику? (Нарезает рыбу ломтиками и кладёт её на хлеб, предварительно намазав его маслом. Надкусывает.)

Клавка. Футы-нуты...

Это тебя в зоне, что ль, этикетам обучали?

Водород. Зона – зоной, а человек – человеком! Даже если он дрянь последняя, всё к лучшему тянется, как травинка из навоза. Двенадцать годочков отрубил, под самую завязку! И всё казалось, не я это был. Ведь, если не я, то, вроде, и стерпеть можно. Знаешь, у меня там только одно желание и было: выйти за порог, идти себе, идти... Дотопать до поля какого-нибудь, чтобы лесок по краешку, ручеёк в низинке. Лечь на спину, слушать как травка под ватником шебуршит, глядеть себе в небушко, и больше ничего. А вот вышел, так ни разу до поля этого и не добрался. Сначала – года два по больницам... Туберкулёз у меня кой-чего. А потом сразу – в бизнес этот, будь он неладен! Жрать-то хотца, да и не только жрать! Берёт в руку хвост рыбины и, отбивая им такт по тарелке, припевает.) Девки, где вы?

Натаха, Клавка и Верка (дружно). Тута, тута!

Водород. А моей Марфуты нету тута?

Бабы вскакивают с мест, Верка усиливает звук магнито-

фона, и вся женская половина, кто как может, кидается в дикий пляс! Бабы сбрасывают обувь. Тамара и Соня танцуют не разуваясь.

Мужики, сразу оживившись, разливают спиртное. С улицы, на рёв музыки, заглядывают

Чёрненькая и Беленькая.

Беленькая. А Рому можно?

Вадим (выбираясь из-за стола, пытаюсь перекрычать магнитофон). Козявочки мои, а я вместо него не сойду? Ромка ваш нынче не в форме!

Чёрненькая. Ещё как сойдёшь, паучок, когда Мерс себе купишь да разведёшься!

Вадим хватает девиц за талии, кружит, целует обеих в щёчки. Клавка, заметив это, бросает в него ботинком. Вадим удирает, прячется за стол, но второй ботинок всё же настигает его. Из-под стола он выползает уже с огромным фингалом под глазом.

Филя (с ужасом глядя на фингал). Прямое попадание.

В самую фару!

1 без лица. Надо бы и вторую починить, для симметрии!

2 без лица. Может, помочь?

1 без лица (удерживая Клавку). Огонь баба, зверь! Не то, что наши соплюшки, так бы и...

Клавка (отбиваясь). Вот жеребина-то! Откормили на свою голову защитничков!

Верка (подходит к ним). Везёт же кому не надо!

1 без лица. А тебе надо?

(сажает Верку себе на колени).

Филя. Положь бабу, где взял! Девочек тебе мало?

Верка (нехотя отправляясь на своё место). Вот когда не надо, он всегда твёрдый!

Подходят Тамара и Соня.

Тамара. Сонечка, может, нам уже пора?

Соня. Ну, мам, я ещё торт не пробовала. Давай, побудем ещё немножко!

Палыч (Вадиму). На, огурчика свежего приложи!

Магнитофон, взвизгнув последний раз, умолкает.

Натаха (девицам, тяжело дыша, двумя руками придерживая живот). В Афгане ваш Рома, вертихвостки, а может, и – в Чечне. Куды вы его вчера таскали? Пожалели бы парня, ему на работу устраиваться, а вы всё по дачам, да по барам. Ничего из вас путного не выйдет, боулинг один да три пера!

Николай (с миской салата в обнимку). Зря ты на них ворчишь. Ворчи не ворчи, а всё, что нарождается на земле, заполняет освобождающиеся, только ему предназначенные ячейки. Алкаш – свою, торгаш – свою, музыкант – свою, и даже зек тоже – свою. Закон природы! Иначе все связи нарушатся, и этот мир полетит к чертям! И не нам эти клетки ломать и тех, кто в них сидит, с места на место пересаживать! На то повыше нас есть! (Перекрестившись, тычет пальцем в потолок.)

Натаха. Ну ты даёшь, писатель, это, что ж, и детей вос-

питывать не надо? И учиться им не надо? Всё одно – своя клетка?

Николай. (наяривая салат большой ложкой). Всё одно – своя!

Девицы ставят в магнитофон свою кассету.

Чёрненькая (пританцовывая). Мы Ромку сейчасиз Кандагара-то вытащим!

Беленькая (к обоим без лица). Ну что, охрана, разомнёмся?

Ревёт тяжёлый рок. Девицы и двое без лица изображают что-то робото-механическое, но потом сбиваются и пускаются в русский перепляс! Пыль летит столбом.

Натаха (хватаясь то за голову, то за живот). Кончай безобразничать! Вы не Ромку из-за ширмы вытащите, а дитё моё сейчас вытрясете! А ну, брысь отседова! Сейчас рожать буду!

Девицы, похватав кое-что со стола, вылетают за дверь. Оба без лица усаживаются на свои места.

Ромка (из-за ширмы). Краповые береты... Суки, ложись! Вертушки прут... Та-та-та-та!

Натаха (подходит к ширме, захватив со стола банку огурцов). Ромаш, может, рассолу?

Ромка (отодвигая шторку, выставляет голую ногу). Та-та-та-та...

Шторка опять задёргивается.

Натаха (бабам). Фу ты, чёрт, напугал как! И ведь не был он ни в каком-таком Кандагаре, и в Чечне енттой самой не был.

В стройбате служил под Козельском. А кого у нас в стройбат берут? Тех, кто языка не знает, больных, да бывших зеков. Так что ему этот стройбат хуже Кандагара показался. Да и косить под бывшего афганца по-пьяни выгодно. Везде нальют, везде пожалеют...

Николай. Жалостливый у нас народ, дружный! (Встаёт из-за стола.) В поту ли, в брюликах, в навозе ли, а все – тут! (Сжимает кулак.) Накось, раскидай! Что, слабо? (Грозит кому-то этим кулаком.) Вот те, выкуси! (Суёт фигу под нос соседу по столу.) На классы у них пошло деление... Видали мы эти классы! Стакан бормотухи, и – амба всей перестройке! Были классы, и нету! Одни классики остались. Прыг-скок! (Падает, хватаясь за скатерть, волочит её за собой.) Силён народище русский...

Верка (удерживая руками посуду). Это мы ещё, старичьё двужильное – русские, а у этих... (Кивает на обоих без лица.) Интернет да сникерс вместо души!

Клавка. А всё этот чёртов телек! Что по нему день и ночь показывают, то у наших дурней и в голове!

Николай (усаживаясь на своё место). Криминальные университеты. С утра Деррик начинает... Потом, то Коломбо ручками сучит, то Мисс Мапл наяривает, а к вечеру наши менты долбят почём зря!

Вадим (морщась от боли). Наши ещё ничего, не заматерели. А вот к ночи Рембо-хринембо, да Крюгеры с рейнджерами нагрянут! Те уж – наповал!

Клавка. Бедная ребятня наша... Есть Бог-то? Дунул бы сверху да топнул, чтоб все эти ящики разорвало да полопало!

Тамара. Полопаются, на новые копить начнёте! (Язвит.) Ведь не «в концерты же ходить, после вазелина...»

Верка. В самую точку, Том! Я к Натахе с ночной заскочила, а она коронное блюдо своё, салат оливье, перед телеком рубает, аж с пуза на восьмом месяце горошек сыплется.

– Что смотрим? – спрашиваю.

– Ужастик!

– Ну и как?

– Да ничего. – Икает. – Только крови маловато...

И это – с дитём в пузе!

Натаха и бабы обуваются и опять усаживаются за стол, гремят посудой, разливают...

Тамара (Водороду). Владимир Владимирович, а вы, и правда, женились бы! А то ведь жизнь, она как речка, глядь, и утекла вся!

Водород. Моя, Томочка, не утекла, так усохла. Хворь совсем одолела, зараза! Вот и селёдку эту, нельзя мне её жрать, и это нельзя, и то! (Пинает тарелки.) Кто за меня теперь пойдёт-то? Да и не сегодня-завтра – сяду опять. А утешальщики жёнке сразу найдутся! Поздно мне рога-то отращивать. Нет уж, бабы... А вот, если б родила мне какая ребёночка, моего, родненького, не какого-нибудь чужого, приبلудного... Клянусь, так прямо на руках с дитём бы и носил, пока жив! В золоте бы ходила, одни ананасы с конфетами ела. Ничего бы

для неё не пожалел! Эх, бабы! Всем вам лысых с барсеткой подавай, побогаче, да чтоб колёса с шипами! Отольются вам эти шипы кровавыми слезами! Молодость, пока и кожа, и рожка ещё есть, профукаете, да проерепенитесь, всё недотрог из себя корчите, а потом, когда, глядь, и кожа не та, и рожи уж не осталось, спохватываетесь и выскакиваете с перепугу вот за таких, как Веркин! И носите его потом на спине заместо картошки. Так с картошки-то хоть польза!

Филя (поднимает голову, уже повисшую на грудь). Цыц, меня не трожь! Я мал, мал, а как врежу!

Пытается ударить по столу, промахивается и ныряет под скатерть. Выползает уже возле ног Водород а, пугается и прячется обратно, но чуть поодаль появляется снова и, накрывшись каймой скатерти, как простынёй, укладывается спать лицом к залу.

Верка. Вот как повезло-то сегодня, тихо, мирно, без скандалу. Я тебя, Водородушка,

завсегда буду звать мужика укладывать!

Вадим. Ты бы его лучше приспособила себя в постельку укладывать, а то мужика...

Под окном слышны детские голоса: «Дядя Володя, дядя Володя, дайте на сникерс, дайте на жвачку!»

Водород (стоя у окна, запускает пальцы в кошелёк на поясе, вынимает крупную купюру). Не тебе, не тебе! Я в твои годы уже зарабатывал. Ванечка, на, держи, только не потеряй!

Слышится топот и гвалт. Кто-то истошно визжит...

Водород. Не трожте мальчика, охламоны! Отберёте, ни рубля больше не дам!

Долгая пауза.

Николай (Поднимает указательный палец кверху). О! – мент родился! Давайте ещё по одной!

Натаха. Вот у тебя и родится! Дотрепешься, писатель липовый! Как тогда при менте-то самогонкой торговать буду? С тебя-то проку, как с козла молока, да и того меньше! Только – салат из миски наяривать!

Палыч. Ошибаетесь, дорогая Наталья Михайловна! При менте-то самая торговля и начнётся! Лопатой чирики грести будете, наволочек не хватит!

Натаха (Николаю). Наломался бы по ночам на конвейере, потаскал бы с наше вазелинчик, да понюхал! Выходила за писателя замуж, думала культурной стану, по театрам ходить буду. Вот они все мои театры! Этот... (Гладит себя по животу.) Да за ширмой – берет краповый, и во дворе ещё двое. (Наклоняется к Николаю и ловко вытаскивает у него из дыры в носке припрятанную выручку за самогон.) Вот, ворюга, у своей же законной таскает! Интеллигент хренов! Сил моих нет... Да поставь ты салат на место, чёрт патлатый!

Тамара (встаёт, положив руку на плечо дочери). А я согласна!

Вадим. На что согласна, лапочка ты моя?

Клавка. Я те дам лапочку! Второй-то глаз не чешется?

Вадим испуганно прикрывает стаканом другой глаз.

Тамара. Родить согласна Володе вот такую девочку, как Соня моя, или мальчика. Скрипачом бы стал замечательным, или ещё кем. Плохо одного ребёнка иметь. Скучно ему расти, бедному, а когда вырастет, – опоры никакой! Какая из меня опора? Федя мой уже три года, как «ушёл»... Сами знаете, подростки его – в пионерлагере... Он им пригрозил, деревенским-то, чтоб к нашим девчонкам в корпус не лазили, а они его подстерегли ночью у туалета и – бревном! Так до утра без сознания и провалялся...

Клавка. Ах ты, Господи!

Тамара. А утром уж поздно было... Мне, вы же знаете, за игру мою гроши платят, да и не только мне. Вон, Маргарита, пианистка наша, когда в Париж культуру местную вывозили, взяла с собой чемодан картошки да две банки огурцов. Долларов-то – тю-тю! Так весь пятизвёздочный отель на запах собирался! На таможне всю её картошку вдоль и поперёк изрезали, наркотики искали! А теперь и картошка – по шестнадцать рублей. Вот тебе и братики-сестрички...

Палыч (глядя в окно). Бабоньки, гляньте-ка, Митрофаныч опять в пивнушку шнауцера своего тащит! Обхохочешься на них глядеть! Большую кружку себе берёт, а ту, что помене, псу наливает. Хлебушка ему туда покрошит, и балдеют вместе, красота!

Тамара. Знаю, в наше время только сумасшедшие или влюблённые рожают, а я бы точно родила, было б от кого, да было б на что выкормить! Вон, молодёжь-то наша... Ребят-

ня поспилась да в бизнес подалась, так все девчонки в моём дворе без мужей по ребёночку себе родили! А то уж лет пять после перестройки этой роддома пустые стояли. Боялись рожать. А теперь уж так паршиво стало, что и бояться нечего. Вот и берёт жизнь своё!

Натаха. А и права же ты, мать, точно я сумасшедшая! Не влюблённая же?

Николай. Влюблённая, ещё какая влюблённая – житья от тебя по ночам нет, даже пузо не спасает!

Натаха. А ну, кончай жрать! (Отбирает у него миску.) Положь ложку, я тебе говорю! Ишь, задок-то уже, как столик откидной, брюки по швам трещат! Сам пузо слепил, а теперь – «не спасает...»

Николай берёт со стола салатницу, отворачивается к окну и продолжает есть.

Вадим (сочувствуя ему). Солитёр у него, что ли?..

(Николаю.) Говорят, ваш брат, писатель, из космоса может подпитываться?

Натаха. Из холодильника моего! Хоть на ключ запирай! Утром детям – в школу, а дать с собой нечего, всё этот «солитёр» творческий за ночь слопал!

Николай часто подёргивает спиной, доедая салат, громко стучит ложкой по дну.

Вадим. А что ему делать, если власти местные писателей с бюджета скинули?

Натаха. Жаль, что не докинули! Расплодили нахлебников!

Нам классиков-то за всю жизнь не перечитать, а тут ещё эти строчат, как сороки...

Палыч (Тамаре). Да ты садись, садись, дочка! В ногах, как говорится, правды нет, если она вообще есть...

Тамара. Да вот, показалось мне... А сяду, так ничего и не сбудется. Дни эти пустые – один за другим, сплетни да долги... Свету нету, воздуха!

Филя (из-под стола). Мамочка, роди меня, обратно!

Тамара. А хоть бы и обратно! Сил уже никаких нет! Голову приклонить не к кому.

Соня встаёт, обнимает мать. У Тамары на глазах слёзы. Соня шмыгает носом.

Палыч. Ну, сырость развели... Всю душу скособочило! Мы для чего тут собрались? – для тепла, для радости! Гадостей у всех своих хватает, не разгребёшь... Чего ими делиться-то? Вон, самогоночка – через край уже! Налили бы тёпленькой, а то холодной никак не согреюсь! Трясёт что-то. На грипп не похоже, уж два месяца, как трясёт. Ещё в Польше начало. Может, малярия какая-нибудь, а может, нервы? Наша работа челночная – ой и нервная! Так и гляди, чтоб не обвели, не обобрали, да не прибили! Забыл уж, когда вволю спал, может, только в КБ своём, за кульманом. В начале месяца всегда делать было нехрена. Наташ, налей тёпленькой! И – на боковую. Можно я за ширмой, на топчанчике часок придавлю?

Натаха. Иди, иди, Палыч... Чай не впервой уже. Только

за ширмочкой у нас – Кандагар! Лучше уж – в комнату. Оде-
яло в тумбочке.

Палыч встаёт из-за стола, подходит к плите, делает вид,
что изучает конструкцию самогонного аппарата. А сам, опус-
кая двумя пальцами стакан в неполную банку самогона, пы-
тается зачерпнуть. Стакан падает в банку. Палыч закрыва-
ет собой место преступления и затихает, потом, помявшись
на месте, уходит ни с чем.

Водород (Тамаре, отодвигая от себя стакан с водкой).
А ты, и правда, согласна? Не шутишь?

Тамара. Нет.

Водород (встаёт). Я ведь и жениться могу, если надо...

Тамара. Да разве ж в женитьбе дело? Лишь бы мы по серд-
цу друг другу подошли, да Сонечка вам понравилась! Она
у меня просто золотая... (Гладит Соню по голове.) Умнень-
кая, тихонькая, как мышка.

Водород. Ну, тогда прямо сегодня и перебирайтесь ко мне.
Вещи уж завтра перевезём. Хотя, какие вещи? Я вам всё но-
вое куплю, и себе, а то хожу, как...

Вадим. Ребята, вы это всерьёз, что ли? Так за это выпить
надо! Натаха, наливай по полной! Горько молодым, горько!

Элька. А нам... (Гладит плюшевую собаку.) Всё сладко,
да сладко! Скоро вырвет! Бе...

Вадим. Я тебе дам – «бе»! Кто за тобой убирать-то будет?!

Палыч (Эльке). Не зря тебя Плюмом зовут, чистый плюм
и есть, такой тост испоганила!

Все. Горько!

Водород и Тамара целуются через стол. Соня тянет маму за платье. Из коридора с пустым стаканом в руке, укутанный в одеяло и в шапке, показывается Палыч. Из-под стола протягивает кружку мгновенно проснувшийся Филя. Выходит из-за ширмы смурной Ромка и тоже ищет себе стакан.

Клавка. Эх вас всех на любовь-то потянуло... Как баранов на водопой!

Ромка. За любовь – это дело святое. Люби, пока жив!

Николай. И другим жизнь давай, если можешь!

Натаха. Тут ты у нас спец!

Николай. В бракоделах не ходим, девки – ни одной!

Элька. Да что же это такое?! И не боятся ничего. Вот так взяли, и сошлись?! А любить? А любовь?..

1 без лица. Мало тебе ещё любви? Ну, ты даёшь, кукол-ка! Уж залюбили тебя совсем, покуда-некуда. А ты – всё про то же!

2 без лица. А то пойдём, я ещё трезвый, могу...

Натаха. Хватит вам, бесстыдники! За столом – такое... (Указывает им на сумки с самогоном.) Вон для вас чистая, как слеза, уже упакована. Володь, проводи ребят, Сулим ваш так и не появился. Где его черти носят? Ещё за прошлый раз ведь не рассчитался!

Двое без лица, кивнув Водород у, берут сумки и нехотя уходят за сцену.

Там слышно кряхтенье, шум, топот. Водород остаётся

за столом.

Натаха (за сцену). Да тише вы, черти, побьёте всё!

Элька. Ненавижу мужскую породу! Козлы все! Козлы... Вот только собак и люблю, да и то – плюшевых, чтоб не гадили! (Валится с дивана, начинает ползать по полу на четвереньках, переставлять плюшевой собаке ноги, тявкать и сюсюкать.)

Водород. Ну, нам пора, правда, Том? Да и Соне ещё уроки делать.

Верка. Гляньте, девки, как быстро приспособился, какого мужика мы, дуры, упустили!

Под столом с пустым стаканом в руке всхрапывает Филя. Водород берёт упирающуюся Соню за руку, и они с Тамарой уходят.

Элька (начинает рыдать, захлёбываясь). И я! И я...

Женщины поднимают её и уводят за сцену. Палыч, Ромка, Вадим, Николай и выползший из-под стола Филя, прихватив тарелку капусты, тут же обосновываются возле банки первача, спиной к залу. Пьют, травят анекдоты.

Входят Мурзиковы.

Мурзикова. Здравствуйте! Гуляете? Милое дело. А мы слышим сверху – весело у вас! Вот яблочек вам принесли!

Мурзиковы демонстративно вынимают из пакета несколько яблок, раскладывают их по столу и садятся на освободившиеся места.

Филя. Ну, раз подметалы пришли, пора заканчивать.

Мурзиковы молча налегают на еду.

Николай. Ишь, как метут!

Ромка. Хоть бы челюсти не заклинило!

Палыч. Им в КНИИТМЕ ихнем, оборонном, уже полгода – ни копейки! На одном горохе сидят.

Вадим. Всё с терроризмом международным боремся, туды его в качель!

Николай. А всё оттого, что государство у нас не с того конца растёт!

Вадим. Это как?

Николай. Америка, например, да и не только она, как и положено всему живому, начиная с самого дикого начального своего периода, снизу прёт, от корней! Из народа у неё власть вырастает. Вот и присмотр за властью этой народный, пристальный, чуть что не так, и – по шапке! А наша с вами Россия-матушка спокон веку, хоть убей – сверху вниз!

Филя. Вниз головой, значит?

Николай. Выходит так. Уж сколько веков власть у нас сверху назначенная! Привык народ к подчинению. Сам шагу не ступит, всё соску от мамки, как дитя неразумное, ждёт.

Ромка. А что, как мамка – дура или гулящая?

Филя. Помирай тогда всё с музыкой! Не пойдёшь же супротив мамки у памперсе с пустушкой наперевес?..

Вадим. Не... Супротив мамки не пойдёшь!

Филя. Вот по телеку всё нудят – прожиточный минимум у нас в три раза повысили.

Палыч. А квартплата его, идрить твою в качель, ам – и скушала!

Филя. Никакого минимума теперя. Один нуль!

Ромка. Не бойсь, мужики, выдюжим! (Скребёт под мышкой.)

Николай. Ломали уж, ломали России нашей хребтину-то... В дугу гнётся, а не ломается!

Ромка. Это как ломать...

Палыч. В самую тютельку, Николаич, это, как ломать...

Николай (Ромке). Ты-то хоть знаешь, почему у нас тут так дерьмово?

Ромка. Не а...

Филя. А почему?

Николай. А потому, что Россия-матушка на Земле нашей – не иначе, как чистилище! В аду живём. И кто в этот ад со своим уставом сунется, тот с разбегу прямо в котёл со смолой кипящей и попадёт!

Филя. А я всё думаю... И почему это с утра, даже если не пил, уже опохмелиться хочется, а оно – вона...

Ромка. Чистилище, так – чистилище! Да и хрен с ним, мы-то уж привычные.

Вадим. Не дай Бог кому ещё такой привычки!

Николай. Если Господь наш и сойдёт когда на Землю, то непременно в Россию и попадёт! Где ещё столько мучеников сыщешь, да ещё православных?.. Вот безбожники говорят – вселенский разум, вселенский разум... А Россия наша – все-

ленское сердце! За всех болит...

Пьют. Мурзиков а вынимает из сумочки большой пакет. Достает из него ворох маленьких, начинает с оглядкой складывать в них недоеденное. Мурзиков ей усиленно помогает. Возвращаются бабы.

Клавка (Натахе). Хавронью-то как делить будем?

Натаха. Да как всегда – мне половину, и вам с Веркой по четверти, вы ж всю зиму, поди, помои-то носили! И я с ней накорячилась по самую... А ведь зарежешь, пара таких сборищ, да родне по куску, и нет свинюшки!

Верка. А туды ей и дорога! (Весело.) Не росла совсем сво-лочь! И сала никакого!

Натаха. Я ей кашу из детсада месяца два носила, так она похудела от неё, зараза! И чем детей наших кормить?!

Клавка. Химия одна! Обман зрения и желудка!

Натаха. А чего ж, если химия, пухнем все, куда хавронье?

Верка. А всё – соя эта, мутантская, из Америки! Они там уже сами еле на трёх стульях сидят, вот нам её и сплавляют!

Натаха. Правда?

Клавка. Истинный крест, во всё суют, что нищета наша трескает: и в пельмени, самые дешёвые, конечно, и в палочки куриные, и в сникерсы...

Верка. Ну, ясно! Ни в рыбу, ни в мясо, ни в икру паюсную её не засунешь...

Клавка. Эти что хошь и куда хошь засунут!

Верка (вздыхнув). Да ну её, сою эту, хрен с ними, пусть

сыплют! Хорошего человека, чем больше, тем лучше! (Поддёргивает груди.)

Натаха. И то правда! И что это мы сегодня всё о грустном, да о грустном? И не попели, и не поплясали...

Клавка. Зато пару какую сосватали!

Натаха. А спеть мы и теперь можем, кто нам помешает-то? Давайте – нашу любимую!

Запевают, убирая со стола. «Ой, то не вечер, то не вечер...»

Мимо с полными пакетами проходят Мурзиковы.

Верка. И почему это народ за столом всё одни и те же песни поёт? (Николаю.) Эй, литератор, а слабо песню такую написать, чтоб потом лет двести пели?

Николай (дожевав). Такую, Клавочка, душа наша, русская, пишет, а не литераторы. У тебя ведь есть душа, петь любишь? Вот и напиши! А нам писанина наша, за гроши, всю душу уж повысосала! В сотый раз переписываю этот очерк, да переделываю, ан нет, не дышит!

Верка. А вот, возьму, и напишу!

Мурзикова. До свиданья!

Натаха. Пока, пока... Харчи не растеряйте! Детей позовите там, а то уж темнеет.

Поют: «Поедешь кататься, мост рухнет большой...»

Верка. А Томка-то наша, какова? Будто заново родилась, аж похорошела! Вот тебе и тихоня...

Водород (вбегает, запыхавшись). Томочка кофту забыла!

Натаха. Уже и Томочка? Дитё-то ещё не состряпали? С вашими темпами запросто можно успеть!

Верка. Чего ты его держишь-то? Вишь? Как конь, копытом бьёт! Аж пена с удил каплет...

Водород (счастливо смеётся, берёт со стула кофту). Вот привалило-то на старости лет! Хотя бы не подохнуть с радости. А и страшновато... Ответственность-то какая?!

Клавка. А ты как хотел? Ребёночка ему подавай!

Натаха. Куда спешить-то? Потешились бы маленько...

Клавка. У них времени на тешенье уж не осталось!

Водород. Да есть чуток...

Верка пытается его попридержать. Водород хватает её в охапку, сажает на подоконник.

Клавка. И этот оживать начал, аж заВидно! Лысина так и отсвечивает...

Верка. А руки-то, руки – кипятилок-кипятком!

Натаха. И, видать, не только руки...

Смеются.

Верка. Резинить-то нынче будем, али нет? Я крышек с базы цельный мешок приволокла и резинок вязанку.

Натаха. А ну эту подработку! Всех делов не переделаешь... Любви хочется! Жить хочется! Ну, Водород с Томкой и учудили сегодня... Скажи вот, из чего счастье человеческое делается? Из слезинки, из словечка, сдуру сказанного... ЧуднАя, бабоньки, штука – жизнь наша, ой и чуднАя...

За окном старушки поднимаются со скамьи и уходят.

Занавес.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВТОРОЕ

(Воскресение Водорода)

Комната с большими окнами без штор. За окнами – только небо. Ящики с не распакованной мебелью. На потолке – дорогая хрустальная люстра без лампочек, под люстрой, прямо посреди комнаты – кровать с балдахином и шёлковыми шторами, застеленная малиновым атласным одеялом. Справа и слева высокие белые двери. У одной из них большое зеркало в замысловатой оправе, возле которого на полу свалено множество пакетов и коробок. Свет в комнате голубо-сиреневый, неземной. Высоко над разобранной кроватью под стонущую от счастья скрипку, полулёжа, летают на качелях Тамара и Водород. В окна заглядывают ангелочки, смеются, показывают на них пальцами. Качели опускают Тамару и Водорода на постель.

Тамара. Я думала, к этому нельзя привыкнуть...

Водород. К чему?

Тамара. Ну, летать...

Водород. К хорошему быстро привыкаешь.

Тамара. А я не хочу привыкать! Хочу, чтобы всегда вот так – ветки в цвету, небо, ангелы...

Водород. Ты сама у меня – ангел! Иногда даже боюсь дотронуться. Вчера смотрел на тебя ночью, ты ведь светишь-

ся, правда, светишься – и лоб, и руки. Я у тебя раньше одни глаза только и замечал... А ты, оказывается, красивая! Под тряпками не видно, а стащишь, прямо – фотомодел ь. (Прячет лицо в коленях у Тамары.) Ты знаешь, а ведь я теперь без тебя не смогу, совсем не смогу! Ты душу из меня вынула. А та, которая есть, и не моя вроде... Всё боюсь, что ты разглядишь меня получше, и разлюбишь. Не бросай меня, пожалуйста! Мне иногда кажется, что это ты меня родила, как Соню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.